

НА ПОРОГЕ ДВАДЦАТОГО ВЕКА.

Девятнадцатое столетие окончилось. Что дало оно рабочему классу? И чего может ожидать этот класс от начавшегося двадцатого века?

Девятнадцатое столетие ознаменовалось поразительным развитием техники. Производительные силы цивилизованных обществ приняли в течение этого столетия огромные, небывалые размеры. Их рост естественно вел за собою рост общественного богатства. Но быстро растущее богатство цивилизованных стран не устроило существовавшей в них бедности. Напротив. Небывалое развитие производительных сил явилось новым фактором ее увеличения. Это очень метко указано и хорошо объяснено некоторыми членами английской королевской комиссии, назначенной для исследования причин застоя промышленности и торговли (Trade Depression). В особой записке, которая вошла составною частью в «Заключительный доклад» (Final Report) комиссии, эти члены говорят, что, вследствие роста производительных сил, коренным образом изменились условия существования цивилизованных обществ: прежде главная трудность заключалась для них в редкости и дороговизне предметов необходимости и удобства; а теперь она состоит в том, что, благодаря развитию машинного производства, людям, не имеющим ничего, кроме своей силы (т. е. пролетариям), все труднее становится найти заработок, а следовательно, и средства к жизни.

Это значит, что борьба за жизнь в цивилизованных обществах XIX века становилась тем труднее и ожесточеннее, чем более росли их производительные силы, т. е. чем более увеличивалась материальная возможность изгнания из их среды бедности и связанных с нею страданий.

Бедность порождалась избытком. Это противоречие, на которое указывал еще гениальный Фурье, перешло неразрешенным в двадцатый век. Его устранение составит главнейшую общественную задачу этого последнего.

Чем труднее и ожесточеннее становилась борьба за существование в цивилизованных обществах XIX века, тем более увеличивались для отдельных членов этих обществ шансы нравственного падения и даже полного нравственного одичания. Их преступность росла в общем гораздо быстрее, чем их население, при чем в числе осужденных все более увеличивался процент рецидивистов, наглядно показывая этим полную несостоятельность тех мер, которые принимались цивилизованными обществами для своего нравственного оздоровления.

Таким образом, если рост производительных сил порождал бедность там, где он мог бы создать

невиданное прежде материальное довольство, то он же, затрудняя борьбу за существование и усложняя общественную жизнь, — вел к умножению нравственных страданий и нравственной испорченности там, где он мог бы, устранив искушения экономической борьбы за жизнь, дать сильнейший толчок нравственному облагорожению цивилизованного человечества.

Это противоречие тоже не было разрешено XIX веком и тоже целиком перешло в XX-ый.

Что бы ни говорили явные и тайные, корыстные и бескорыстные защитники капитализма, несомненно, что увеличение трудности борьбы за жизнь и это умножение шансов нравственной испорченности означает ухудшение быта рабочих. В этом отношении XIX век был для них неблагоприятен.

Но он был чрезвычайно благоприятен для них в другом отношении. Он дал им — или, по крайней мере, их передовой, наиболее чуткой и развитой части — то, что для них важнее всех материальных благ и без чего невозможно коренное улучшение их участи: ясное сознание непримиримой противоположности их интересов с интересами эксплуататоров и твердое убеждение в том, что освобождение рабочих должно и может быть делом самих рабочих.

Подобно тому, как XVI, XVII и XVIII столетия ознаменовались освободительным движением буржуазии, XIX век был веком освободительного движения рабочего класса. В этом заключается главнейшая отличительная черта его культурной истории и драгоценнейшее наследие, переданное им XX веку.

Но между освободительным движением буржуазии и освободительным движением пролетариата есть существенная разница. Освободительное движение буржуазии совершалось в пользу меньшинства. Его торжество не устранило эксплуатации человека человеком, а только изменило ее форму. Освободительное движение рабочего класса совершается в пользу огромного большинства, и его торжество навсегда положит конец эксплуатации одних людей другими. Вот почему победа пролетариата будет в то же время осуществлением самого высокого из всех тех нравственных идеалов, до которых додумалось цивилизованное человечество. Победа рабочего движения, которому многие — умышленно или по недоразумению — приписывают лишь узкие, грубые, «желудочные» цели, будет в действительности величайшим торжеством нравственного идеализма.

Но между борющимся пролетариатом и его великой целью стоит свирепый и близорукий эгоизм высших классов, которые чувствуют себя прекрасно при теперешнем общественном порядке и в лучшем случае могли бы добровольно согласиться лишь на некоторые частные

его переделки. Благодаря этому свирепому и близо-рукому эгоизму, не мало крови рабочих пролилось в XIX веке и, вероятно, не мало прольется ее и в XX-м. И против этого эгоизма пролетариат имеет лишь одно средство: объединение своих сил ради завоевания политической власти. Когда рабочий класс тем или иным путем добьется политического господства, тогда консервативное упорство эксплуататоров разобьется о революционную энергию эксплуатируемых, и тогда будут устранены указанные нами противоречия, унаследованные XX веком от XIX-го; царство капитализма будет окончено; начнется эпоха социализма.

Двадцатый век осуществит лучшие, радикальнейшие стремления XIX века. Но как ни твердо уверены мы в победе пролетариата, как ни ясно видим мы стоящую перед ним великую цель, мы не хотим обманывать ни самих себя ни наших читателей. Мы вовсе не думаем, что нас ждет легкая победа. Наоборот, мы хорошо знаем, как тяжел путь, лежащий перед нами. Нас ожидает на нем много частных поражений и тяжелых разочарований. Не мало в течение этого пути разойдется между собой людей, казалось бы, тесно связанных единством одинаковых стремлений. Уже теперь в великом социалистическом движении обнаруживается два различных направления, и, может быть, революционная борьба XX века приведет к тому, что можно будет *mutatis mutandis* назвать разрывом социал-демократической «Горы» с социал-демократической Жирондой.

Но каковы бы ни были трудности, поражения и разочарования, ожидающие революционный пролетариат в его борьбе, его окончательное торжество не может подлежать сомнению. За него ручается как общий ход социального развития в цивилизованном мире, так и, в особенности, развитие той производительной силы, которую Маркс назвал самую важную из всех: самого рабочего класса. Социалистический идеал все глубже и глубже проникает в среду пролетариата, развивая его мысль и удесятерять его нравственные силы. Людям, борющимся во имя этого идеала, буржуазия уже в настоящее время может противопоставить лишь голое насилие да бессознательность некоторой — правда, пока еще очень значительной — части трудящихся. Но бессознательность уступит место сознанию, передовые рабочие подтолкнут отсталых, и тогда... тогда буржуазии останется разве уже «непротивление злу насилем», потому что на стороне революционеров будет тогда также и физическая сила.

Так обстоит дело на Западе. А что сказать нам о нашем отечестве? Россия далеко не так богата и далеко не так образована, как западно-европейские страны. Но и в ней общественное развитие не прошло бесследно для социализма, и в ней XIX век завещает XX-му драгоценное наследство: зародыш социал-демократической рабочей партии. Историческая обстановка несомненно очень благоприятна для быстрого развития этого зародыша. Если справедливо то, что одна страна может и должна учиться у других, ее опередивших, то социалистическая Россия может и должна многому научиться у западно-европейских социалистов. Самый главный и ничем незаменимый урок, даваемый нам всей историей западно-европейского социализма, заключается в том, что в каждой данной стране ближайшие задачи и тактика рабочей партии определяются действи-

тельными общественными отношениями этой страны. Забывать об этих отношениях, руководствуясь общими положениями социализма, значит покинуть почву действительности. Нам, русским социал-демократам, необходимо помнить, что XX век ставит перед нами такую политическую задачу, которая с большею или меньшею полнотою уже решена на Западе; у нас во всей красе цветет то самодержавие, о котором западно-европейские люди знают только понаслышке. Разрушение самодержавия безусловно необходимо для успешного и правильного развития нашей партии. Если между западно-европейскими социалистами и их великой целью стоит эгоизм имущих классов, то между нашей зарождающейся партией и западно-европейской социалистической семьей стоит, подобно китайской стене, самодержавный царь с его полицейским государством. Но нет такой стены, которую не могла бы разрушить человеческая энергия. Русская социал-демократическая партия возьмет на себя инициативу борьбы с абсолютизмом и она нанесет ему смертельный удар, опираясь на более или менее энергичную, прямую или косвенную поддержку всех тех элементов, на которые давит теперь тяжелое, неуклюжее здание неограниченной монархии.

Политическая свобода будет первым крупным культурным завоеванием России XX века.

[Г. Плеханов]

РАБОЧИЙ КЛАСС И «РУССКОЕ ЗНАМЯ».

У нас принято придавать слишком мало значения тому злу, которое вносит в народную жизнь подлая реакционная печать, одна лишь пользующаяся свободой говорить то, что ей надо, в то время как на всякое честное слово надет цензурный намордник. Мы все, конечно, ненавидим «Свет», «Московские Ведомости», «Новое Время» и подобные органы печати, но мы обыкновенно ненавидим в них только представителей враждебных нам классов — дворянства, буржуазии, чиновников. Нам не всегда ясна та вредная роль, которую играет эта печать в деле затемнения народного сознания, в смысле отвлечения все растущих в народе чувств возмущения и протеста в сторону такой борьбы, которая может только вредить народным интересам. У нас сложилась привычка смотреть на сознание рабочих масс как на какую-то чистую доску, на которой «жизнедеятельность», борьба вырисовывает надлежащие идеи, которые агитатору нужно только привести в известный порядок. Началась массовая борьба с капиталистами, зародился в массах протест — этого достаточно, чтобы ручаться за правильное развитие сознания масс. Началась массовая экономическая борьба — и можно быть спокойным за то, что рабочая мысль шаг за шагом освободится от всего наследия веков, от всей лжи одолевших ее предрассудков. Пусть-де только агитатор обуздает свой пыл, пусть не спешит нести массам все то, что он знает: пусть ограничится ясным формулированием того, что уже бессознательно чувствуется массой. Не насилуйте рабочую мысль, — кричат нам с разных сторон, — не спешите раз'яснять рабочим массам те вопросы, понимание которых им еще чуждо, не говорите о политических вопросах, когда масса начала

только бороться за насущный кусок хлеба, не спешите говорить о социализме, когда еще не везде понята необходимость борьбы за сокращение рабочего дня. Жизнь делает свое, — говорят эти советчики, — будет время, и эти хорошие вещи станут уместны, надо только «медленнее спешить», не забегать вперед.

На деле оказывается, жизнь не медлит. Оказывается, что жизнь-то много сложнее, чем это представляют себе проповедники медленного поспешания. Оказывается, что эта жизнь, создаваемые ею классовые противоречия не только расчищают сознание рабочих масс, но подчас и засоряют, затемняют его: если эта жизнь известными сторонами облегчает агитатору просветительно-революционную работу, то другими сторонами, напротив, затрудняет ее, нагромождая на его пути новые препятствия. Оказывается, что на выработку сознания и чувств массы влияет не одна лишь обстановка фабричного труда, не одни только отношения рабочих к капиталисту; оказывается, что вся та вредная реакционная политическая проповедь, которую занимается известная часть легальной печати, тоже входит в ту «жизнь», которая является школой воспитания рабочей мысли. Те стороны жизни, которые влияют на сознание масс развращающим образом, вечно развиваются, и каждый шаг в распространении в народе грамотности, каждое возрастание умственных запросов рабочего люда ведет за собой, при современных политических условиях, увеличение той порции нравственного яда, который несут в среду читателей «Новое Время», «Свет» и им подобные литературные клоаки.

В городе Харькове существует «патриотическая» газета «Южный Край», которая издавна стоит в первых рядах реакционной печати. Этот достойный товарищ «Московских Ведомостей» получил монопольное право воспитывать сознание харьковского обывателя: в самом деле, в течение 20 лет правительство упорно отказывает кому бы то ни было в праве издавать другую газету в Харькове. Таким образом, «Южный Край» имеет возможность, не встречая возражений, сеять в умах читателей вражду к полякам, немцам и т. д. Известно, что в рабочем классе все более распространяется чтение местных газет. Падая на благоприятную почву вековых предрассудков, семена «патриотической» печати дают плоды. С таким плодом мы хотим познакомить читателей.

Этой осенью на громадной пенько-прядильной и канатной фабрике у станции Новая Бавария под Харьковом произошел пожар, после которого администрация стала массами увольнять рабочих, не взирая на то, что многие из них были выписаны в Харьков из Владимирского района. Возникло, конечно, сильное недовольство, выражением которого явилась следующая, распространенная в конце сентября гектографированная прокламация:

«Братцы! Долго ли еще мы будем терпеть польское иго? Долго ли мы будем подчиняться хамам Коммеру, Вильгу, Ионзибургу, Мухарскому и всем негодоям, высасывающим из нас все соки! Неужели, братцы, вновь поляки завладели Малороссией, и вся кровь, пролитая русскими за покорение Польши, окажется пролитой даром? Довольно они нас мучили, довольно несправедливо штрафовали, глумились, насмехались над нами. Наши права растоптаны ногами поляков, но мы должны их защищать. Терпеть уже больше не в моготу. Все мы на

пожаре работали, одежду жгли, руки уродовали, рисковали своей жизнью, а поляки, наши голубчики, папиросы покуривали, посмеивались, чайком да ливом забавлялись. Мы тушили, работали, а нам и горло промочить не дали! А после что? Им награда, а нам расчет! Хороши хозяева!!! Ведь в Польше поляки не принимают русских на свои фабрики. Зачем же у нас полякам дают преимущества: и плата им больше и награда, а нас как дураков неспособных выставляют? Мы не против царя идем, а против врагов России. И полиция, и жандармы спасибо не скажут, когда узнают, что поляков здесь выдвигают, а своих теснят. Не нам одним приходится бороться со своими директорами: не раз их уже в мешки сажали и по двору так катали, да и другие расправы бывали, и на тот свет их отправляли.

«Собраться нам надо, братцы, поговорить ладком, да обсудить, как нам проучить всю эту польско-жидовскую сволочь.

«Будем действовать дружно! Вперед, братцы!!! Побольше храбрости, и русское знамя снова гордо взвевается на нашей фабрике!!! Долой поляков!!! Вперед на борьбу и победу!!!»

Бедные рабы капитала! Почувствовав потребность бороться против своего врага, они хватаются за его же оружие, за его же язык, за те самые идеи, которые приспешниками капитала вносятся в сознание рабочих. Бедные рабы! Они вечно слышат, вечно читают о «русском знамени», которое гордо развевается над миллионами поработанных русским царем инородцев, и они захотели почувствовать себя в счастливом положении победителей, захотели потребовать и себе часть плодов этой победы. На каждом шагу представители буржуазии устраивают свои гешефты, играя на «патриотической» струне: русские фабриканты требуют и получают право грабить весь народ во имя интересов «русской промышленности». Под знаменем «Россия для русских» разные слои буржуазии добиваются права отеснять своих польских, еврейских и иных инородческих соперников в деле расхищения народного достояния. Мудрено ли, что и кое-каким рабочим пришло в голову воспользоваться этим славным знаменем, чтобы во имя русского дела протестовать против грабительских выходок капитала?

Беда лишь та, что то, что буржуазии здорово, пролетариату смерть. Буржуа может себе позволить в погоне за наживой натравлять один народ на другой, сеять национальную вражду только для того, чтобы под шумок красивых фраз о русском знамени урвать процент-другой барыша. Пролетариат не может себе позволить этого, не может потому, что вся его надежда на улучшение жизни — в солидарности, в единении всех рабочих без различия национальностей, и все, что сеет рознь между разными народностями, мешает делу этой солидарности, тормозит рабочее движение. Вы хотите, господа, выехать на том, что не против царя вы идете, а против «врагов России», на покорение которых русские цари положили не мало крови русского народа (и целое море крови этих самых «врагов»). Да, вы правы: поляки, а вместе с ними финляндцы, евреи, армяне, балтийские немцы, все это — «враги России», т. е. той России, которая живет и жиреет в ашмим трудом, в ашмим кровавым потом, которая правит и издает законы, которая строит свое

благополучие на вашей нищете, на вашей бесправии, на вашем невежестве. Но ведь и вы сами, вы, недобольные своей долей, рабочие, вы ведь тоже «враги» этой России; ведь вы точно так же, как поляки и прочие покоренные народы, составляете того «внутреннего врага», против которого держат наготове миллион штыков, которого бить и колоть по первому приказу начальства обязывает солдат военная дисциплина. Только полгода прошло со времени тех майских дней, когда на улицах Харькова вам был дан наглядный урок того, что вы сами становитесь «врагами России», как только начинаете добиваться своих законных прав; только несколько недель прошло с тех пор, как ваши братья, признанные «внутренними врагами» России, пошли в Вятскую губернию за то, что в майские дни мужественно стояли за рабочее дело. Теперь же вы думаете перейти в лагерь царя, полиции и жандармов, чтобы, став вместе с ними под «русское знамя», устроить свои дела на счет «врагов России», так же, как и вы, — рабочих, поляков? Плохой расчет, позорная надежда! Враждуя со своими братьями-рабочими и сближаясь со своими врагами, правителями и эксплуататорами, становясь под их залитое кровью и грязью патриотическое знамя, вы только увеличиваете их силу, которая завтра же обратится против вас, как против самых опасных, самых заклятых «врагов России», той России, которая правит, издает законы и грабит рабочий класс.

Да, это верно, что после пожара в Новой Баварии русских рассчитали, а поляков нет. Но это объясняется вовсе не любовью директоров к полякам-рабочим. О нет! Они бы и этих рассчитали с удовольствием. Дело просто в том, что, создавая в Харькове новое производство, капиталисты должны были выписывать рабочих издалека, из Владимирского округа и из Польши. Владимирец по-

шел на чужбину без всяких разговоров, а польский рабочий договорился сначала о достаточно высокой заработной плате и обеспечил себя контрактом так, чтобы его не могли рассчитать в любую минуту, когда он станет ненужным, как бросают лимон, из которого выжат все соки. Польские рабочие оказались более предусмотрительными и более требовательными, чем русские. И этому удивляться нечего. Ведь польский пролетариат долгой и упорной борьбой двух десятилетий добился у себя на родине и высшей платы, и более короткого рабочего дня, и лучшего обращения, и как ни плохо все еще его положение, все же с ним не решатся поступать так бесцеремонно, как поступают с его русским собратом. Польский рабочий только справедливо пользуется плодами тех тысяч подчас кровавых жертв, которые он положил на дело своего освобождения, точно так же, как и бельгиец, против которого тоже поднимается иногда безумная вражда непросветленных еще сознанием южно-русских рабочих. Принесите рабочему делу такие же жертвы, боритесь, и тогда вы подниметесь на ту же ступень, на которой теперь стоит польский рабочий. Но не разжигайте себя завистью, глядя на его лучшие условия труда. Делая это, вы, может быть, ухудшите его положение, но свое-то вы погубите, вырыв непроходимую пропасть между собою и другими рабочими, у которых с вами одно общее дело, и истощив свои силы в братоубийственной войне на потеху буржуазии.

Идите к польским рабочим со словом братского союза и взаимного уважения, признайте справедливость затаенной в их груди горькой обиды, понесенной от варварского покорения; признайте за польским народом право искать себе свободы от всякого гнета; откажитесь от всякой солидарности с той Россией чиновников, попов и капиталистов, которая считает поляков «врагами

ФЕЛЬЕТОН

ИСКОРКИ.

Машина свистнула, запыхтела, зашипела — и сдвинулась с места, и поползла... потом пошла все скорей и скорей. В последний раз крикнул что-то с платформы грубый начальнический голос, последний раз мелькнули в окнах электрические огни станции, и поезд вошел в темную, беспросветную осеннюю ночь и стал углубляться в нее все дальше и дальше, пошел все быстрее и быстрее...

Степан откинулся на спинку своего места и так и вперился глазами в темноту. Так же мрачно и скверно было и у него на душе, — чего уж хуже и мрачнее.

Кругом в вагоне народ уже укладывался, слышались последние сонные фразы, кое-кто похрапывал даже; но Степану было не до сна. До сна ли тут, господи?! После этакого-то дня? Такого тяжелого дня не приходилось еще переживать Степану. Чего только не было, господи?! И брань, и тюрьма, и нагайки! И за что?!

И перед глазами его задвигалась и зашумела снова, точно он сейчас видел ее, огромная толпа на дворе фабрики. «Нет, не согласны. Хозяина нам, хозяина!» И видит он снова перед собою грузную фигуру хозяина,

шепелявящего что-то с крыльца фабрики заплетающимся языком, не своим голосом; и вылощенное, румяное лицо фабричного инспектора, который твердит что-то о законности, плавно поводя рукой в воздухе.

— Поступайте только вы по закону, и все по закону будет. Становитесь на работу!

— Да, как же, по закону! Это по закону разве, чтобы среди зимы расценки менять? Говорите вы о законе-то много... Как уговор был, так пусть и будет, — и основа чтобы не гнилая! А так не пойдем, не согласны! — кричали рабочие. А мастера промеж народу шныряют, уговаривают. И Фомка-подлец тут же вертится, улещивает, увещает: «Братцы, братцы!» Глаза-то подлые так и бегают, выискивают, где кто громче говорит. Эх, нет хуже своего врага, никого нет хуже Иуды предателя. Как развернулся Степан, как закатил ему в ухо... Тут уж посыпались на него с разных сторон, кто во что горазд... Не уйти бы мерзавцу живым, кабы казаки не подспели, кабы не нагайки их...

И как сейчас зазвучал в ушах Степана свист нагаек. Он весь задрожал с ног до головы, и кровью налились его глаза... И видит он снова, как врывается в безоружную толпу конный отряд с шашками, с нагайками, как он давит, мнет ее... И видит он исполосованное нагайкой худое женское лицо и то злое, тупое лицо сытого зверя, которое дает ужасные приказания... И в глухом стоне всей подавшающейся назад, обезумевшей от

отечества», и тогда вы найдете в польских товарищах братский отклик, тогда они пойдут рука об руку с вами на борьбу за рабочее дело.

Недостаточно призывать рабочие массы к борьбе за улучшение их жизни: политической и социалистической агитацией необходимо просвещать их сознание и тем сделать невозможным успех той вредной политической проповеди, которою развращают народную массу легальная и буржуазная печать. Если бы вздумали ограничиться одной только пропагандой экономической борьбы за ближайшие требования, мы рисковали бы тем, что наряду с ростом возмущения против капитала в пролетариате укоренились бы те вековые политические предрассудки, которые вечно питаются влиянием высших классов, воздействующих на народное сознание с высоты престола, с церковного амвона, со школьной кафедры, военной дрессировкой и могучим орудием печатного слова.

[Л. Мартов]

САМОДЕРЖАВИЕ И ЗЕМСТВО¹.

Русская история последних двадцати лет представляет непрерывную летопись реакции. Когда был убит Александр II, Александр III, по совету Победоносцева и Каткова, решил противопоставить геройскому революционному движению народовольцев неуклонную защиту самодержавия всеми, даже самыми зверскими и глупыми средствами. Он преуспел в своей борьбе с русской революцией: его тактика встретила поддержку в имущих классах общества, в дворянстве и крупной буржуазии, а силы революционной организации, не опиравшейся на рабочий

класс и расстроеной целым рядом неудач, иссякли в самый решительный момент. Счастливо разделавшись с террористическим движением, Александр III стал давить все то, что хотя бы только в будущем могло быть опасно самодержавию. Всего опаснее, рядом с печатью и университетом, в этом отношении должны были показаться органы местного всеобщего самоуправления — земства. Земства, учрежденные в 1864 г. и урезанные в 1890 г., не получили никаких политических полномочий и задач. Но, как органы местного хозяйственного самоуправления, они всегда были заинтересованы в том, чтобы отстаивать независимость свою от чиновничества, которое всячески стремилось связать их по рукам и ногам. Крупное политическое значение земства заключалось и заключается в его сравнительной независимости от власти чиновников. Земству в круге его ведомства нельзя приказывать делать то-то и то-то, поступать так, а не этак. Правительство, напр., желает, чтобы школы содержало только духовное ведомство, между тем как земство по закону имеет право учреждать школы, и запретить ему этого прямо нельзя до тех пор, пока не будет отнято у него право ассигновать деньги на народное образование и вообще заботиться о нем. Но правительство всячески постаралось затруднить земству всякое дело, доступное ему по закону. По последнему земскому положению 1890 г. губернатор имеет право приостановить исполнение всякого постановления земских собраний, если он сочтет его незаконным или несоответствующим общим государственным пользам и нуждам или явно нарушающим местные интересы. Окончательное решение о том, законно ли приостановленное губернатором постановление земства, принадлежит сенату (когда губернатор или министр признает постановление незаконным) или комитету министров (когда постановление признается несоответствующим общим

страха толпы звенит в его ушах всего явственнее какой-то рыдающий детский голосок...

— О, черти! Нет на вас управы. У вас и власть и законы! Вы на нас и лестью и плетью!..

Степан подался вперед и глухо застонал. Застонал и оглянулся. Но кругом в вагоне все было тихо; почти все спали, никто не слышал его. И опять крепко сжав руки на груди, уставился он в окно.

Там все было уныло и мрачно; бесконечно раскинулась перед ним необъятная пустынная равнина, и тяжело нависло над ней беспросветное хмурое небо; там и сям печально бежали назад одинокие, темные деревца... Степан глядел, и тоска охватывала все сильнее и сильнее его сердце...

А ведь ничего не было бы, не пришлось бы ему и другим мчаться теперь в разные далекие углы Русиматушки, и добились бы своего, кабы держались дружно, кабы стали все на том, что порешили. А то, как стали по одному вызывать:

— Ты на работу пойдешь?

— Я по старому расценку... как все...

— Выдать ему расчет. А ты пойдешь?

— Я... как все.

— Выдать расчет.

Так и стоять бы всем на одном. Всех бы не разочли. Работа, небось, спешная. А то:

— Я... что же... Я, коли начальство велит...

— Я... как начальство...

И пошли, и пошли все,—бараны. Сами опять в петлю полезли. А кто стоял твердо, тех забрали и разослали. Со всеми ничего бы не поделали,—и расценок оставили бы. «Бараны, одно слово, бараны»,—пробормотал сквозь стиснутые зубы Степан и еще ближе придвинулся к окну.

Ночь, казалось, сгустилась еще темнее, и места кругом пошли еще безлюдней и глуше. Точно по пустыне какой едет Степан... А столбы все мелькают и мелькают, а поезд все бежит и мчит Степана все дальше и дальше.

— Даль-то какая, господи! И не знает он там никого. Еще голодом насидишься. Скоро разве работу найдешь? Замерло сердце у Степана, и с тоской опустил он руки.

Вдруг слабый, быстрый свет мелькнул перед окном. Это искорка вылетела из паровоза, потом опустилась на снег и потухла. Мала была искорка и слаб был ее свет, а все же еще темнее стало вокруг, когда она потухла. Да как же и не потухнуть-то, господи? Ведь все снег и снег кругом, а она слабенькая такая.

Вот вторая летит, тоже сейчас же тухнет, еще одна, другая... Покружившись немного, они падали и тухли,—и тьма после них становилась еще чернее. И сердце Степана сжималось тоскливо, когда он видел, как тухнет огонек за огоньком, и жадно следил он глазами за долее других носившейся в воздухе искоркой и точно

государственным пользам и нуждам или явно нарушающим местные интересы). Таким образом, судьба всех постановлений местных людей зависит от одобрения царских чиновников. Это выдумали министры Александра III. Прежде, при Александре II, самостоятельность земства была несколько больше: тогда, по крайней мере, за министрами и губернаторами не признавалось права решать, вопреки мнению земских людей, в чем состоят местные интересы Миргородского или Коломенского уезда. Николаю II и его министрам, которые в самых робких пожеланиях и верноподданнических просьбах земств в 1895 г. усмотрели чуть-что не открытый бунт против самодержавной власти, показалось мало и тех стеснений, которые наложил на земство Александр III. Они выдумали и выдумывают еще новые. В прошлом году у земства отнято и всецело передано чиновникам заведывание продовольственным делом, т. е. все заботы о снабжении населения хлебом в неурожайные и голодные годы. Земское заведывание этим делом показалось неудобным чиновникам и главным из них — министрам, потому что земства не желали молчать о народной нужде в голодное время, а правительство, у которого всегда есть деньги на пушки, ружья и полицию, вовсе не желает широко отпускать денег на то, чтобы народ не пух от голода. В прошлом же году особенно блюдущие полномочия чиновничества министры: внутренних дел — Сипягин и финансов — Витте (самый умный и самый бесстыжий из всех министров), вопреки мнению большинства Госуд. Совета, которое еще не окончательно потеряло стыд, — подбили царя бросить русскому земству новое бревно под его колеса. Отныне земство не будет иметь права увеличивать свои сметы и налоги больше, как на 3% в год. Сделано это для того, чтобы помешать земству спокойно устраивать школы, библиотеки, больницы, заводить врачей и т. д.: на 3%

светлее было у него на душе, пока крошечный огонек этот кружился у него перед глазами.

«Вишь, крошечные какие, а светят тоже, — думал он, все следя за ними. — Слабенькие они только, редкие... и мало их, так мало! Как людей настоящих мало на свете», — подумал он, и еще сильнее защемило сердце. Вот тьма и охватила и надвинулась со всех сторон так беспросветно и ужасно. И глотает и тушит она всякую искорку, которая смело летит в пространство, — такая маленькая и бессильная, и несет свой слабенький, свой недолгий свет. Тьма душит ее и царит опять надо всем безраздельно. Много, много свету надо, чтобы всю эту тьму покорить, чтобы жилось светлее и лучше людям на свете: что могут сделать тут маленькие искорки? Только разнесутся ветром в разные стороны и потухнут, погибнут... А вокруг все так же серо и беспросветно, как было, останется.

И что-то подступило точно к горлу Степана, и на душе стало еще тоскливее.

«Вишь, сыпятся на снег — то как! Девять, десять, — считал он машинально искры. — Потухнет, и будто ее и не было. Так же и мы все!»

И он думал о старом Матвее, который еще смолоду разные такие виды выдвигал, и о больном Петрухе с его впалой грудью, у которого семья мал-мала меньше, и о Николае, над которым причитала так горько его старая мать... Эти-то свой народ, эти не выдадут,

не разгуляешься. Правительство, которое боится земства, потому что оно — как-никак — состоит из более или менее независимых и полезных людей, не желает, чтобы земство своей полезной деятельностью укрепилось, становилось необходимо и любо населению. Кроме того, есть такие дворянчики, которым смерть не хочется платить на школы и больницы, полезные исключительно крестьянам. Эти дворянчики, пользующиеся от правительства разными подачками и готовые всегда кричать царю «ура» и подлизываться к губернатору, очень много шумели о том, что земство разоряет их в пользу крестьян, и приставали к правительству с тем, чтобы оно избавило их от якобы обременительных земских платежей. Этим верным слугам царя нужно было бросить новую подачку: ради них, между прочим, урезали и без того постылое земство.

А главное: правительство, т. е. чиновники с царем во главе, боится земства! Неровен час, придет время, и земские люди наговорят снова, как они говорили уже и прежде, о том, что России раньше всего и главнее всего нужна свобода. Ведь, думают себе министры и царь, если в государстве будет не все обстоять благополучно, напр. рабочие начнут не на шутку волноваться, поляки и финляндцы перестанут все сносить, захотят вернуть свои прежние права, то от земств, пожалуй, не отделаешься грубым окриком, как в 1895 г., когда молодой царь обругал приехавших его поздравлять старых земцев за то, что они почти униженно просили его о законности и внимании к земству. В беспокойные минуты — а их не могут не ждать царь и его министры — невесело иметь у себя на шее 34 земских собрания. Такой шум может пойти по земле русской, что царю и министрам станет жарко в Петербурге. Правительство желает все держать в руке, чтобы не только теперь, но и никогда, даже через сто лет ни одна душа не смела

грудью станут, да разнесло народ кого куда, и остался все народ серый да робкий... А эти, настоящие-то, за то, что стояли за товарищей, должны теперь собачью жизнь вести.

«Двадцать, двадцать одна... Ух, сразу кучкой вылетели». Степан сбился и потерял счет, засмотревшись на красивую полоску, которая пронеслась игриво и быстро мимо окна. А вот еще и еще!

Искорки полетели теперь веселее. Они появлялись уже не по одной, а по несколько за-раз, и не робко, как прежде, скользили они в воздухе, а летели довольно долго прямо и смело и тухли уже не так скоро. Но теперь Степан и не замечал, как они тухли. Потому что, когда относилась ветром далеко в сторону и опускалась на снег одна, то перед глазами его мелькали уже еще две, три, пять, еще красивее и больше, и не успевал он заметить, когда потухнут эти, как летят опять новые и новые.

И точно не темна стала ночь, не так скучна и пустынна снежная равнина при быстрых и веселых огоньках; теперь полных потемок уже не оставалось; все сколько-нибудь кружатся бойко и весело искорки, и Степан, следя за ними, забывает окружающий мрак. Развлекают они его точно, и на душе его точно не так уже тоскливо, и мысли в голове кружатся тоже побойчее.

«Ну, что же! не в лес, чай, едет. Везде нужны руки, бог даст, не пропадет. Работник он хороший,

пикнуть, чтобы на все решительно бралось одобрение царя, т. е. в сущности его чиновников. А если русские люди (хотя бы только одни состоятельные землевладельцы, из которых почти исключительно, к сожалению, до сих пор состроит русское земство) научатся думать и действовать немножко по-своему, начнут местные дела, действительно, сами устраивать, то они постепенно совершенно отобьются от рук. Заведя школы и библиотеки, они научат кое-чему народ, научат хотя бы читать, а человек, который умеет читать, может быть научен всему, может даже сделаться... социалистом и революционером.

Вот почему на борьбу правительства против земства русскому рабочему и русской социал-демократии нельзя смотреть равнодушно. Мы должны быть за все, что хоть сколько-нибудь идет против самовластия чиновников, т. е. против самодержавия царя.

Правительство скрутило теперь земство по рукам и ногам. Но в своем торжестве оно обнаглело и стало беситься с реакцинного жира. Ему мало того, что сделано: оно теперь думает крепкую думу, как бы либо совсем упразднить, либо до тла выхолостить земства, чтобы не только теперешние земцы, но и их сыновья и внуки и правнуки вечно помнили, что Николай II раз навсегда запретил русским людям мечтать о конституции и верноподданнически намекать, что законность и свобода лучше произвола и рабства. О подкопах под русское земство, главную роль в которых играет министр финансов Витте, мы поговорим в другой раз.

[П. Струве]

непьющий. Небось, и тут, хоть давно на него косились и мастер-подлец доносил, что он-де „народ мутит“, а все же сквозь пальцы глядели, жалели отослать. А потом — он один, а одна голова, известно, „хоть бедна, да одна“. Как это не прокормиться? Вот у Семена и ребята на шее, а держался молодцом. Насупился только темнее ночи, а жаловаться не стал. „Чорт, мол, с вами! Хоть подохну, не покорюсь“. Вон он какой, Семенишка-то! А ведь когда пришел Семен на фабрику, совсем он непонимающий и смиренный был, да и в толк взять не мог, как это не покоряться, когда начальство велит. Тогда почитай что с одним Матвеем Степан и душу отводил. А потом и стал народ подбираться. Как расскажешь все, что к чему и какая причина, так и твердят: правда твоя, мол, правда! Потому у всех наболело, и глаза только надо на их жизнь открыть. Как послушают, идут опять: расскажи, мол, про вчерашнее; дай книжечку, чтобы про это, про самое. И как это ему давеча почудилось, что всех разогнали!? Нет, и Тимофей свой человек, как на гору положить можно, и Василий парень настоящий; да и еще кой-кто найдется. Всех не вышлешь, все крупинки самым чистым решетом не выловишь! Небось, остались на развод!»

Усмешка мелькнула на губах Степана и распрямился он. А искры за окном все мелькают и мелькают, и все больше и больше становится их. Теперь Степан не только не успевает следить, как они падают и тухнут, но и за-

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Новая драма в Якутске. О калашниковской истории еще мало кто знает в России. И немудрено: она разыгралась на далеком сибирском севере, в той проклятой якутской глуши, куда заносит людей не их собственная добрая воля, а неистовство и самодурство царского произвола. Вести оттуда идут целыми длинными и долгими месяцами, — и человек успеет истлеть в могиле, прежде чем мы узнаем о его смерти.

И над Иваном Калашниковым уже давно сибирские метели нанесли курган снега, а мы только теперь, только через полгода, получили сообщение об его ужасной кончине...

Иван Калашников — бывший матрос Добровольного флота. Не с самого рождения он стал дышать морозным воздухом Якутки. Раньше, до 1894 г., он жила в одесском тепле. Это был человек, по отзыву его товарищей, в высшей степени даровитый; с природным умом в нем соединялось широкое развитие; мало того: это был человек, всей душой чувствовавший горечь существования русского рабочего люда, тяготу жизни в горячо любимой им России. Это был природный боец за благо и счастье трудящихся классов. Капиталисты гнетут работников, цари всеми силами поддерживают капиталистов, — значит с теми и с другими трудящиеся классы должны вести непрестанную борьбу. А для этого они, эти классы, должны быть сознательны и организованы. Это ясно понимал Иван Калашников и отдал всю свою твердую волю, кипучую энергию, все свои знания и всю свою жизнь на дело развития самосознания рабочих и на организацию их. Работал он, главным образом, среди своих товарищей-матросов. Развивая самосознание рабочих — книжкой и словом, организуя их — кружками и стачками, он совершал преступление против российских царских законов. Наши законодатели с короной на голове и образками короны на пуговицах и эполетах отлично знают, что нужно всеми силами мешать распространению самосозна-

был как-то, что они должны и упасть и потухнуть. Они носятся теперь перед его глазами, вечно светлые, вечно живые и такие смелые, что смотреть становится весело и светлеет на душе. Вот и еще и еще целая пляшущая кучка рассыпалась в разные стороны; вот еще целый ряд пролетает светлой полоской и, кажется, оставляет еще за собой некоторый свет на небе. А на далеком снежном пространстве, почти что куда хватает глаз, разносятся яркие огоньки и садятся направо, налево, целые стаи их кружатся и подпрыгивают прежде, чем сесть на снег, а на них налетают, сталкиваясь и спеша, другие и другие. Они оживили собой всю эту мрачную картину; и такое неустанное и бодрое идет у них движение, что смотреть любо, и глаз не отведешь.

«Вот так же и на земле будет, когда людей настоящих станет больше», — думает Степан, следя с восхищением за догоняющими, за обгоняющими один другой огоньками. Когда вот эдак же пойдут вперед за лучшей долею, за счастьем, да вот эдак же дружно двинутся, не поодиночке, а кучками, толпами, — и смело, смело!.. Когда скажут себе, что тьма лишь потоле страшна, пока сидят в ней, присмирев и уныло, что под сильным движением, под смелым натиском она разлетится и исчезнет, что она может бесследно потушить только слабые, одинокие искорки, и не устоять ей перед общим и дружным светом, — тогда... Уф, как хорошо! — даже громко промолвил Степан, когда широкая блестящая полоса из

ния рабочих. Тюрьмой, Сибирью, каторгой, если надо и смертью, — нечего церемониться!

Калашников именно принадлежал к таким «лихоедам», которым ненавистно порабощение рабочего люда. А поэтому он и был сослан на 10 лет в самые отдаленные места Восточной Сибири (Нижне-Колымск) вместе с другими (Нахамкисом, Цыперовичем и проч.) за то, что они создали в Одессе первую серьезную социал-демократическую организацию рабочих.

Вы представьте себе только, что значит ссылка в Якутскую область. Это все равно, что закопать живого в могилу. Оторвать умного, сознательного человека от людей, тех самых людей, благу и счастью которых он намерен отдать всю свою жизнь, — и бросить его на безлюдье... Отрезать от жизни того, кто полон жажды этой самой жизни, и швырнуть в снежную пустыню... Человека, с глубоким интересом наблюдающего за нарастанием в жизни правды и справедливости, заслат в тридесятое царство наблюдать, как хлопья снега образуют одна за другою громадные снежные горы... Человека, который весь горит желанием протапывать новые дороги в жизни, закинуть в непроходимую тайгу, закопать в лед и снег. Так закопать, чтобы он жил, не живя и не умирая, стонал без всякой надежды, чтобы стон его донесся до России, проклинал царский произвол, зная, что проклятье так же замерзнет на морозном воздухе Якутки, как замерзают в нем птицы.

Ужасная жизнь! Как должен истерзаться, измучиться человек, обреченный на такое существование! Есть ли в этом человеке, заброшенном в снежную пустыню, хоть одно неизболевшее место? Он весь — муки и страдания, он весь — боль и раны, напряженные и ноющие нервы. Человек все время находится в таком возбужденном состоянии, что на оскорбление, от какой бы мрази и пакости оно ни шло, он должен ответить гораздо резче, чем человек с неистрепанными нервами.

Некая мразь и пакость нанесла Калашникову оскорбление, и он заплатил за нее своею жизнью.

28 июня 1900 г. через Нижне-Колымск шел паузок с почтой. Калашников под'ехал к нему на лодке и спросил казаков, нет ли ему письма. В ответ на это земский заседатель Иванов, бывший на паузке, сказал какую-то

грубость: царский слуга, надо полагать, был в плохом настроении духа и счел для себя возможным сорвать свое неудовольствие на ссыльном. Иванов — человек, у которого никогда не было за душой ничего, кроме мерзости и пошлости, никогда не молившийся иному богу, кроме бога наживы, вдруг ни с того, ни с сего оскорбляет человека, свою жизнь положившего за други своя! Калашников не стерпел и, не обращая внимания на то, что кругом Иванова были казаки, бросился с лодки на паузок; зачем он бросился, он, вероятно, и сам бы не мог сказать себе: может быть, плюнуть в лицо царскому лакею, может быть, и убить его даже — можно ли рассуждать в такую минуту! По распоряжению Иванова, Калашников был связан, и на него со всех сторон посыпались удары чем попало и куда попало, а сам Иванов принялся топтать ногами связанного «врага». Когда «враг» был доведен до полного бесчувствия и избит до полусмерти, его сбросили назад в лодку, и течение реки каким-то чудом доставило его на берег. Через два дня Калашников застрелился. Все это время он ходил сумрачный, ничего не ел и не пил, — что было доказано судебным вскрытием трупа, — и, наконец, не выдержал, не снес побоев какого-то Иванова, который и на человека похож только потому, что у него есть руки, чтобы хапать и драть, и рот, чтобы жевать нахапанное...

Ссылные товарищи потребовали следствия. Иванов был вытребован исправником и явился в Нижне-Колымск 20 августа. 14 сентября его встретил на улице товарищ Калашникова Ергин, окончивший петербургский университет. Он шел на охоту* и нес ружье, заряженное картечью. Увидев Иванова, он спросил его, что у него произошло с Калашниковым; земский заседатель и на этот раз отвечал дерзостью, и Ергин, всей душой изболевшийся за участь товарища, весь проникнутый чувством мести, сознательно или бессознательно — где уж тут выяснить — шелкнул курком и убил Иванова. Дело происходило в городе около полиции; на выстрел сбежались царские наемники, и, отдавая им себя под арест, Ергин сказал: «Я убил заседателя».

* В это время был лет гусей.

миллиона искорок пронеслась вдруг стремительно и победоносно, осветив, как заревом, небосклон. Тогда добьются, тогда всего добьются, и будет тогда на земле и свет, и правда, и счастье, — да, и счастье!»

А народу настоящего все больше и больше нарождается, даже и на его глазах. За одним идут жадно слушать другие, за теми еще и еще. И кто понял, тот, может, раз-другой оробеет, раз-другой промолчит, но назад уж не пойдет, — нет! И мысль та, раз засевши, все глубже и глубже забираться станет, пока он не сделается совсем своим человеком. Главное — унывать не надо, останавливаться не надо. Везде, где люди, там теперь и гнет, и зло, и неправда, везде надо глаза открывать на это, везде дело есть!

И бодрая улыбка играла уже на губах Степана, когда он все с тою же жадностью следил за искрами. Он видел себя на новом месте, он заводил там новых друзей, он поднимал их на новую борьбу за лучшую долю рабочего люда. И заводил он уже все не попрежнему, а лучше, незаметнее, прочнее. И дело все шло уже не зря, а дружно, толково, смело...

А искры вылетали уже целыми снопами, и нельзя было порой рассмотреть в них отдельных искорок, так тесно, так плотно, целыми полосами неслись они; и полосы эти становились все шире и ярче, все ослепительнее.

— Вот так, — шептал в восторге Степан. — Главное, чтобы так тесно, грудь с грудью, плечо с плечом; целыми ра-

тями, одна за другой, без конца!.. Тогда не потушат, тогда не задавят. Тогда уже вся сила будет у нас, у нас — рабочего люда! И сами добьемся мы для себя светлой зари новой жизни и нового счастья!..

Теперь счастливая улыбка не сходила уже с лица Степана; слабая краска выступила на его щеках, и восторженно глядели его большие глаза на расстилающуюся за окном картину...

А она была действительно дивно хороша. Громадные снопы света неслись в разные стороны, то рассыпаясь целым каскадом искорок, то заливая чуть не полнеба целыми потоками света. Куда девалась вся мрачность, все безлюдье окружающей картины? Она вся наполнилась жизнью, и движением, и светом. И свет этот все рос, все распространялся, все проникал во все глухие, во все темные уголки и все победоносно заливал собою... И смело и непрестанно мелькали в глазах яркие, бойкие искорки.

— Хорошо, хорошо, — шептал беззвучно, со счастливой улыбкой Степан.

Он очнулся лишь от какого-то толчка. Поезд остановился у большой станции. Это и был тот губернский город, где надо было выходить Степану. Он взял свой узелок и ведро, энергичными шагами пошел, при чуть брезжившем рассвете зимнего утра, по улицам незнакомого, далекого города.

Ергин, по словам знавших его в Петербурге, — человек очень добродушный; трудно бы и предположить даже, что он может кого-либо убить.

Самая жизнь, якутская, проклятая жизнь, заставляет людей прибегать к кровавой расправе, не позволяя им раздумывать, выгодна ли мена недолюдка Иванова на подлинных людей, людей в лучшем смысле этого слова.

Это уже не первая история в Якутске. Их было уже несколько, если не в таком роде, то очень схожих. Да и вообще в России... Чего-чего только не было на нашей несчастной родине. Чего только не приходилось переживать таким, как Калашников, за то, что душу свою, все силы свои, разум, чувство и волю они несут на служение рабочему делу. За это их постигает царская расправа! И после этого находят еще такие доброжелатели рабочих, которые говорят, что не надо бороться с царским произволом!

Кровь убитых и замученных товарищей призывает к борьбе с царским насилием, без слов говорит, что без этой борьбы вся Россия превратится в кладбище, что лучшие наши силы, наши Калашниковы, изгубнут в далеких снегах в то самое время, когда они так нужны рабочему делу...

Организуйтесь, товарищи, проникайтесь сознанием и всеми силами, всеми средствами боритесь против царя! С вами не только все живые борцы за свободу и счастье трудящихся классов, но и тени борцов, замученных царским произволом.

* * *

Вышеприведенное сообщение о потрясающей драме в Якутске дополняем еще следующими данными:

Несколько дней спустя после избития Калашникова с ним встретились Ергин и Янович, отправлявшиеся на охоту. Калашников был страшно расстроен и о происшедшем не упомянул ни слова. При нем была берданка; он говорил, что идет на охоту. Немного погодя недалеко раздался выстрел. Янович бросился по направлению к выстрелу и нашел Калашникова уже умирающим и при нем записку, в которой он обвиняет Иванова в своей смерти...

Негодяй Иванов, этот «цивилизованный» якут, говорят, был раньше секретарем полиции в Верхоянске.

Вот краткие биографические сведения об этих новых жертвах русского правительства.

Александр Александрович Ергин — арестован в СПб. летом 1896 г. по делу «Лахтинской» типографии и «Группы Народовольцев». Приговорен к двум годам «Крестов» (с зачетом предварительного заключения) и 8 годам ссылки в Восточную Сибирь. Сослан в Колымск, худшее место на земном шаре.

Любовь Владимировна Ергина (урожденная Лазарева), жена его, по тому же делу сослана была в Колымск на 6 лет.

Иван Михайлович Калашников — вольный штурман. Арестован в Одессе в январе 1894 г. (по делу Нахамкиса, Цыперовича и др.). Поступивши матросом на пароход, вел живую пропаганду среди матросов и коцегаров. Арест и ссылка превали его горячую революционную деятельность. До привлечения своего к одесской рабочей организации склонявшийся к анархическим взглядам, он сделался к 1893 г. убежденным социал-демократом и много поработал в матросском мире, где пользовался большой популярностью. Сослан (после полугодового одиночного заключения) в июле 1895 г. в Колымск, где и погиб так неожиданно.

Мир праху твоему, товарищ! Одесские матросы, помните ли вы вашего пылкого Ваню?

Из Сибири пишут: «Вновь арестован Бычков, говорят, по распоряжению деп. полиции, который давно разыскивал „политического“ Бычкова. В последнее время он проживал и сидел (по делу Махайского) в тюрьме, как мещанин Бычков, имеющий вид на жительство по всей матушке Руси...

«В Вилюйске, в конце сентября или в октябре, был сделан обыск у Розенблюма, по распоряжению из Иркутска;

так как у него ничего не оказалось, а найти что-нибудь надо было, — ибо тщательно искали, — то взяли какую-то тетрадку и послали в Иркутск (вероятно, подыскивать хвостик к делу Махайского)

«В августе на паузках прибыло сюда три человека: Гольдман, наборщик типографии „Рабочее Знамя“, взятый в типографии в Белостоке, послан в Намский улус, на 5 лет; Поляк, наборщик, взят в типографии „Рабочей Газеты“ в Екатеринославе, едет в Верхоянск, на 6 лет; туда же едет и Лузин на 5 лет, за анархические, якобы, взгляды. Зимой должны быть товарищи Поляка, назначенные в Колымск и Верхоянск. С делом Поляка связаны и одесские аресты, во всем этом виноват одессита Гандера, которого называют провокатором».

Праздник мракобесия. 1 декабря местная газета «Южный Край» с большим торжеством отпраздновала 20-летие своего существования. В течение 20 лет эта газета стояла в первом ряду ревнителей самодержавия, православия и порабощения народа. Издатель ее — Юзефович, еврей, принявший православие и сделавший своей специальностью травлю поляков, евреев, малороссов и всяких других инородцев. Личность достаточно грязная, чтобы считаться «уважаемым деятелем» в той части русской печати, представителями которой являются Грингмут («Моск. Вед.»), Суворин, Пятковский («Наблюдатель»), Комаров, кн. Мещерский и т. п. рыцари «истинно-русского направления». Личность довольно грязная, чтобы пользоваться заслуженным доверием властей, которые, ненавидя мало-мальски честное печатное слово, умеют ценить газету как орудие развращения публики. Свое благоволение к «Южн. Краю» правительство проявило в прошлом году, даровав ему освобождение от предварительной цензуры, которой подчинены все провинциальные газеты. Еще более важную услугу оказывает правительство «Южн. Краю», систематически отказывая в разрешении кому бы то ни было издавать в Харькове другую газету. Харькову, одному из крупнейших провинциальных городов, правительство велит довольствоваться одной, с позволения сказать, газетой. «Вы — нам, а мы — вам!» — вот боевой лозунг шайки, владеющей Россией.

При таких обстоятельствах понятно, что юбилей «Южн. Края» превратился в праздник всех ревнителей мракобесия. Отец Иоганн Кронштадтский и харьковский архиерей послали свои приветствия, как представители церкви, исполняющей в деле развращения народного сознания ту же роль, какую выполняет печать гг. Юзефовичей*. «Моск. Вед.» и им подобные издания приветствовали своего достойного собрата. Губернатор и прочие губернские власти поздравляли юбиляра, так холопски служашего делу самодержавия вот уже 20 лет. Несколько профессоров выразили свое уважение Юзефовичу от имени той «науки», которая продает себя тем, у кого в руках ордена, чины, жирные оклады и пенсии. Харьковское купечество послало приветственный адрес верному защитнику капиталистической эксплуатации.

Но в наши дни общественное чествование считается даже у реакционеров неполным, если в нем не принимает участия «простой народ». И чествование Юзефовича также не обошлось без умиленной картины поднесения адресов и подарков от рабочих гнуснейшему врагу рабочего класса. Наборщики «Южн. Края» поднесли Юзефовичу икону и адрес, в котором говорилось, что он для своих рабочих не хозяин, а отец родной. Другой адрес поднесли рассыльные, третий — общество труженников печатного дела в Харькове, устроившее специальное собрание для чествования Юзефовича и поднесения ему иконы же. Очевидно, жалкие филантропические подаяния богатого издателя «Южн. Края» стяжали ему у некоторых ти-

* Перед самым юбилеем «Южн. Край» поместил проповедь преосвященного Амвросия, в которой обличались дешевые народные чайные, устраиваемые обществами трезвости. «Не видим ли мы в них тлетворный дух социализма?» — вопрошал архиерей, сокрушенно прибавляя: — «Дай бог, чтобы мы ошиблись».

пографщиков в Харькове славу «друга рабочих». К несчастью, некоторое расстройство в ходе социал-демократической агитации в Харькове, вызванное непрекращающимися арестами, не дало возможности местным товарищам открыть глаза типографщикам на значение того чествования, в котором они приняли участие по своей бессознательности.

Вечером 1 декабря в помещении редакции «Южн. Края» был назначен парадный обед с участием губернатора и иных светских и духовных властей. К назначенному времени около помещения редакции собралась толпа преимущественно студенческой публики. Множество экземпляров «Южного Края» подверглось торжественному разодранию перед редакцией; студенты подрывали извозчиков, привязывали экземпляр гнусной газеты к хвосту лошади и пускали ее вскачь «чествовать» доблестный орган печати. Появились не менее почтенные чествователи юбиляра — собаки, обернутые в номера «Южн. Края». Толпа перед редакцией все росла. Стали раздаваться крики: «Долой Юзефовича, долой продажную прессу». В окна редакции полетели камни, а затем через образовавшиеся бреши стали залетать в столовую, где обедали важные господа, пузырьки с сернистым водородом и иными пахучими веществами. Обед был испорчен, и знатные гости стали потихоньку улепетывать из неблагозвонной редакции. Достойный юбиляр трижды просил губернатора вызвать казаков, которые под конец и явились, но толпа уже расходилась. Говорят, Юзефович подал донос на губернатора, обвиняя его в преступном невмешательстве в демонстрацию.

На другой день на Сумской улице (перед редакцией) громадная толпа смотрела, как стекольщики и маляры уничтожали следы вчерашнего блестящего чествования юбиля ревноителя «самодержавия, православия и народности».

Юбилей Н. К. Михайловского². 14 ноября только что истекшего года литературный Петербург отпраздновал сорокалетие писательской деятельности Николая Константиновича Михайловского. Отпраздновал, можно сказать, при закрытых дверях, потому что злополучной нашей печати циркулярно было предписано не заикаться об этом событии. Молчать по приказанию начальства — привычное дело для русского писателя. Стерпится — слюбится, — говорит пословица. Русский писатель притерпелся до такой степени, что готов слюбиться даже с русской цензурой и покорно нести ее гнетущее ярмо!

Как бы то ни было, однако, чествование состоялось — со множеством застольных речей и тьмою прочитанных адресов. В числе поздравлявших были и марксисты, и личность марксистских приветствий обратила на себя внимание: сам «виновник торжества» поспешил упомянуть, в одной из ближайших книжек своего журнала, о лестном титуле «честного противника», поднесенном ему некоторыми из этих поздравителей.

Пользуясь случаем, попытаемся и мы охарактеризовать наше отношение к юбиляру-писателю. Г-н Михайловский родился под счастливой звездой: первые литературные шаги его были обвеяны бодрящим воздухом нашего ренессанса, а расцвет этой деятельности пришелся на революционную эпоху из эпох в жизни русской интеллигенции. Он дал этой эпохе свою личность, и не однажды на страницах «Отеч. Записок» возвышался голос «профана», как выражение чувств и дум интеллигента-разночинца, интеллигента-социалиста... И с этой самой поры литературное имя его сияет отраженным светом героического времени: семидесяте годы воздали старице тому, кто когда-то принес им лучшую часть своего яркого дарования; они сплели его имя со своим и прикрыли присутствием им обаянием, прикрыли до такой степени, что долго читатель-друг не замечал и не мог заметить, что он потерял своего писателя. Между «крайней левой» и старым любимцем ее постепенно назревал разрыв: молодое поколение 90-х годов, истомившись в годину реакции, искало разрешающего слова, готовое отдаться тому, кто снимет с него бремя сомнений. А в ответ лишь звучали либерально-минорные речи, без веры, без силы, без

страсти, — воистину медь звенящая и кимвал бряцающий. Когда же молодежь услышала, наконец, будящий призыв и хлынула в рабочую массу, когда все живое потянулось к свету нового учения, у старого писателя не шевельнулось в груди ничего, кроме злобной насмешки, и ненавидящее перо его писало лишь приговоры...

Мы — русские социал-демократы — чтим заслуженного писателя, но в наше отношение к нему невольное примешивается горечь: до сих пор он был — ослепленный противник, наш строгий и несправедливый судья.

Из Саратова пишут, что полиция заарестовала там адрес Н. Михайловскому, подписанный пятью тысячами человек. Адрес был выставлен для подписывания в земском книжном складе; туда явился полицеймейстер с целой оравой приставов и околоточных и спросил, где находится адрес. Заведующий складом спросил: «Вы желаете его подписать?» — «Нет, арестовать!» — был ответ: — по приказанию губернатора.

Переговоры по телефону с губернатором не помогли, и адрес был увезен.

Саратовский делегат на банкете в честь Михайловского вышел на эстраду с пустым портфелем в руках и показал его публике. Раздались аплодисменты и смех.

— «Горьким смехом посмеюся».

Прекращение «Сев. Курьера». 22 декабря на совещании четырех министров постановлено «совершенно прекратить» издание газеты «Северный Курьер».

Правительственное сообщение обходит молчанием мотивы этого запрещения. Оно, как водится, лаконично, не тратит слов по-пустому; как всякий декрет, говорит: так решено, и баста! — и предлагает почтеннейшей публике молча проглотить преподносимую пилюлю! И публика... проглотит, конечно, эту пилюлю, как проглатывала она уже не раз и не такие пилюли! Проглотит тем легче, что у нее до сих пор не принято бережно обращаться с печатным словом и считать его своим кровным достоянием...

Вольную, действительно вольнолюбивую общественную мысль нельзя запретить, как птицу в клетке, нельзя задушить в объятиях цензуры: она найдет себе пути через все затворы и отомстит за поруганную честь...

Для нашего общества, для всей нашей демократии дело чести — найти выход из настоящего позорного положения: если такие безобидные органы, как «Северный Курьер», не терпят более в среде нашей печати, значит — дело печати окончательно проиграно, в ней нет места живому общественному слову, значит мы пришли к дилемме: *il faut se soumettre, ou se démettre* — либо отдаться на волю врага («сила ломит и соломушку...»), либо уйти... но уйти на широкое поле свободной, не знающей цензурной барщины печати и там поднять клич, призывая живых, будя уснувших. Господа, — выбирайте!

Одесса. Одесская либеральная и радикальная публика, подобно публике многих других городов, собралась чествовать юбилей Н. К. Михайловского. Был составлен довольно радикальный адрес, собрано около 1.500 подписей. Местный всемогущий паша, градоначальник Шувалов, распорядился арестовать этот адрес, что и было сделано. Во главе подписей под адресом красовались подписи городского головы Зеленого и начальника порта контр-адмирала Перелешина. По этим примерам можно видеть, в какой среде, между прочим, собирались подписи. Тем более ярко выступает тот факт, что нахальный, незаконный поступок Шувалова не вызвал никакого протеста. Детушки скушали, ложки утерли, сказали спасибо. И эта дряхлая, трусливая, смиренно выносящая всякое оплевывание буржуазная «интеллигенция» смеет высокомерно отнестись к пробуждающемуся рабочему движению, смеет упрекать в «узости» социал-демократов, возлагающих свои революционные надежды на пролетариат, передовой слой которого уже теперь стоит бесконечно выше либеральной интеллигенции по степени гражданского муже-

ства и готовности дать отпор тем, кто попирает его права. Сознательные одесские рабочие глубоко возмущены трусливым поведением одесской «интеллигенции» в деле с Шуваловым. Вообще градоначальник старается превзойти своего дикого предшественника, адмирала Зеленого, в деле самодурства и беззакония.

Недавно произошла такая история. В редакцию «Одесского Листка» репортер доставил заметку о том, что один из одесских городских оказался беглым каторжником.

В силу установившегося в Одессе (конечно, незаконного) порядка, это известие, как относящееся к внутренней жизни полицейской святыни, должно было, кроме общей цензуры, пойти на просмотр полицейского управления. В полицейском управлении его, конечно, сочли невозможным напечатать. Казалось бы, и делу конец. Но нет, это было только начало. Поздно вечером в редакцию является полицейский и требует заведующего отделом. Ему отвечают, что заведующий спит. Полицейский уходит и является через некоторое время с таким заявлением: «На основании положения об усиленной охране градоначальник приказывает разбудить такого-то» (буквально). Ну, раз на основании положения об усиленной охране, то, конечно, русский «интеллигентный» обыватель готов хоть сам себя разложить и высечь. Заведующий пробуждается на основании положения об усиленной охране и, подвергшись допросу полицейского, уже на основании своей собственной подлости и трусости (говорят, этот господин тоже когда-то что-то имел общего с «идеями»), называет полицейскому имя репортера, который доставил опасное для государственного порядка известие о том, что среди просто негодяев, в одесской полиции, служит один, уже побывавший на каторге. Немедленно является полиция на квартиру к репортеру, которого не застают дома. Среди суматохи, вызванной полицейским нашествием, плача жены и детей, пристав ложится на кровать репортера, чтобы подождать его возвращения. Когда репортер явился, ему сначала пришлось выдерживать солдатскую ругань пристава, а затем, когда он отказался назвать имя полицейского, от которого узнал полицейский секрет, его посадили в отдельную комнату под присмотром нескольких городских с угрозой, что, если не назовет до утра имени давшего сведения, то будет препровожден за решетку. Кончилось тем, что репортер назвал какого-то полицейского из охранного отделения.

Воинственный градоначальник не прочь от покровительства рабочему классу. Для тех рабочих, которые склонны сами себе помогать, Шувалов озабочивается приспосабливанием казенной квартиры с решетчатым окном, на тех же, которые готовы доверчиво ждать помощи свыше, он не прочь простереть милостивую руку начальства. В этом году среди ремесленников и отчасти строительных рабочих возникло артельное движение. Был приглашен известный фигляр артельного дела г. Левитский, и дело, казалось, наладилось. Получены субсидии, добыто разрешение начальства, и несколько артелей торжественно открыли свои действия. На открытии присутствовали всевозможные власти с Шуваловым во главе. Шувалов провозгласил тост за всероссийского султана Николая, господа артельщики отвечали тостами за одесского султана Шувалова. Просвещенный султан выразил надежду, что путем организации артелей рабочие улучшат свое положение и освободятся от эксплуатации. Он не прибавил (так как это само собою подразумевалось), что те рабочие, у которых нет средств устроить артели, за всякую попытку иным путем улучшить свое положение и освободиться от эксплуатации, будут иметь удовольствие разговаривать с полицейскими властями не на торжественном обеде, а в тюремной камере. Одним словом, артели начали свое существование под благословением не только русских бернштейнцев, но и законного начальства. Слава о них пошла далеко. Газета «Северный Курьер» отметила это светлое явление в особой корреспонденции, а г. Левитский высоко поднял свою голову и очень гордится тем, что не одни лишь крестьяне, но и городские рабочие прибегают к нему для организации артелей. Только одесские сознательные рабочие не разделяют общих ликований по поводу артелей. Им пришлось очень скоро увидеть, какое значение могут иметь артели для ра-

бочего движения. Уверовав в устройство своего благополучия мирным путем взаимопомощи, артельщики сейчас же стали во враждебное отношение к рабочему движению. Одна артель поставила правилом, что ее члены не могут участвовать в нелегальном движении. Как же! Иначе подведут артель. Пропаганда улучшения положения рабочих путем артелей столкнулась с пропагандой улучшения положения рабочих путем классовой борьбы...

Невинные интеллигенты — устроители артелей — позаботились ввести в их устав воспрещение принимать наемных рабочих. Но, погони природу в дверь, она влетит в окно. А при капиталистическом производстве природа каждого хозяйственного предприятия, — будь оно артельное, все равно, и хоть бы его устраивали самые благочестивые святоши, — состоит в том, чтобы не упустить благоприятного момента, когда случится найти хороший сбыт своим продуктам; а для того, чтобы суметь справиться с большими заказами, надо иметь в своем распоряжении запас новой рабочей силы. Но как добыть эту новую рабочую силу? Принять в артель новых членов и делиться с ними барышами? Это не так-то приятно, да и накладно: когда экстренные заказы будут выполнены и наступит в делах затишье, каждый лишний пайщик будет означать уменьшение барышей старых членов. А чтобы этого избежать, самое простое средство искать свежую рабочую силу там, где ее всегда вдоволь — на рынке труда. Но ведь по уставу наемных рабочих в артели не полагается. Но если нельзя нанимать рабочих, то можно принимать учеников: и дешевле и спокойнее. И вот одесская артель портных уже пошла по этой торной дороге. Всякого ей успеха!

Но вот беда: едва только артели, затеянные в целях освободить рабочих от эксплуатации так, чтобы воды не замутишь, стали освобождать своих собственных членов от работы путем эксплуатации учеников, как одесский градоначальник, насытившись деятельностью социального реформатора, вновь вспомнил о роли полицейского наблюдателя. Артели — оно, конечно, спокойно, а все-таки... как никак, а смахивает на вольные мысли. И вот, по слухам, державный одесский султан уже распорядился: чтобы «у него» новых артелей не возникало. Так вот какое положение: с одной стороны, лестно некоторым деятелям создать «рабочее движение», которое не пришло бы в столкновение с существующими порядками; а с другой — чем более скромное общественное дело затевается, тем пронзительнее гг. Шуваловы откапывают в самом не-революционном деле следы «вольного духа». Что тут поделаешь?

В октябре месяце Одесский Комитет Партии распространил на механическом заводе Литовского прокламацию с призывом к борьбе против предпологавшегося удлинения рабочего дня, за лучшее обращение и за удаление мастера. Прокламация вызвала прекращение работ, и в результате было немедленное удовлетворение требований, даже некоторое сокращение рабочего времени. Вскоре после того была распространена прокламация на кожевенном заводе; наехали жандармы, но ничего не узнали о «подстрекателях». В октябре же была одним лицом распространена собственная прокламация среди служащих конки. Распространитель был арестован и, просидев три недели, выдал того, кто ему помогал в изготовлении прокламации.

В октябре же была распространена в 3.000 экз. прокламация Комитета по поводу бывшего летом еврейского погрома, разъясняющая рабочим вред, приносимый национальной враждой интересам рабочего класса.

19 ноября в Кишиневе арестовано 6 рабочих, а 17 ноября там же в больнице умер от тифа возвратившийся недавно из Сибири Наум Лившиц. Покойному было около 25 лет, но он успел уже вынести много преследований за преданность социал-демократическому делу. По ремеслу слесарь он еще в ремесленном училище в Вильне занимался социалистической пропагандой и стоял во главе протестующих против безобразий, царящих в этом учебном заведении, устроенном еврейской буржуазией. За избиение училищного шпиона Лившиц был в 1895 г. исключен из училища. Он стал заниматься пропагандой в кружках саморазвития рабочих в Вильне, а затем переселился

в Белосток с целью содействовать возникшему там социал-демократическому движению. В Белостоке он продержался недолго. В февралю 1896 г. он был арестован по обвинению в держании конспиративной квартиры и гектографировании воззваний. После полутора лет тюремного заключения Лившиц был сослан на три года в Восточную Сибирь. При пересылке его и его товарищей (Гожанского, Любови Айвенштадт и столяра Сегалю) через Вильну, местные рабочие устроили демонстрацию.

Окончив срок ссылки, Лившиц возвращался с горячим желанием возобновить революционную деятельность. Его очень возмущала эволюция нашей легальной марксистской литературы. «Следует сорвать маску с гг. Струве и Тугана», писал он с дороги из Сибири *. Ему недолго пришлось поработать. Из Вильны, куда он вернулся из ссылки, его выслали, а в Кишиневе, где он перебивался грошевым заработком, он схватил тиф, сведший его в могилу. В лице покойного рабочего движение теряет истинного революционера, пролетария с головы до ног.

На «великой Сибирской магистрали» (письмо из Сибири). Как присмотришься к здешней «обывательщине», так даже диву даешься, «чем тут люди живы?». Сверху до низу все охвачено серой лихорадочной сутолокой, все самым жестоким образом, так или иначе, расплачиваются за скромный кусок хлеба. Все железнодорожное общество резко распадается на два слоя—верх и низ, вся железнодорожная жизнь—на две эры: постройка и эксплуатация. «Постройка!» Вы, наверное, не можете себе представить, читатель, что означает это слово для чиновника железнодорожного ведомства! Некоторое таинственное движение высших «деловых» сфер, порой даже некоторое «мановение» свыше, — и в газетах появляется заметка о благодетельном значении той или другой линии, о будущем подеме отечественной промышленности или усилении средств отечественного «кулака». Образуется комитет по постройке с высокими, но весьма невозвышенными персонами во главе, пускаются в ход старые знакомства, и вот на поле действия является испытанная свора старых жел.-дорожн. волков, всевозможных «закаленных» в боях хищников-путейцев, инженеров-подрядчиков, а кругом них ретиво и игриво несутся «молодые, да ранние» инженерики, приживальщики, техники, всяческие господа члены железнодорожной профессии «своих». Всех интересует вопрос, кто будет «сам», кто будет господином, начальником работ. Какое ликование, когда обнаруживается, что «сам» — обыкновенно это так и бывает — любит пожить, но не мешает жить и другим. В дикой местности разбиваются станы всей небольшой, но честной компании, действия открываются и... берегись народные миллионы! Да, но ведь везде могут найтись честные люди, везде могут произойти скандальные обличения? Но, во-первых, г. начальник работ может собственной властью выслать такого обличителя из пределов «вверенного ему района» (дело инженера Юговича с инженером Линевицем), а, во-вторых, честных людей буржуазного мирка так легко обойти! Мало-мальски «приличный», «законный» оклад, а главное — побольше на него черновой технической работы, voilà tout. Везет тогда такая честная кляча, и уже по сторонам не оглядывается—прямо-таки физически не до того. А по сторонам дело кипит. На ровном месте воздвигаются насыпи, и, однако, действительная величина уклонов и подемов весьма отличается от номинальной, красующейся на путевых табличках. Линия пути выписывает невероятные зигзаги, объяснить которые можно исключительно желанием строителя пройти мимо данного твердого грунта через данное зыбкое болото. Целые города, вроде, например, Томска, неисповедимыми путями остаются в стороне от главной линии... Каковы доходы гг. построечных воротил, видно хотя бы из того факта, что

* Приводя это мнение покойного товарища, редакция считает необходимым заметить, что на жизненной сцене, в отличие от театральной, маску носят иногда вследствие искреннего заблуждения. Конечно, общественный вред заблуждения от этого несколько не уменьшается.

такие мелкие сошки, как счетоводы, получающие менее ста рублей месячного жалованья, раз'езжают во время постройки на рысаках, проигрывают свыше нескольких тысяч в один вечер в карты. Официально, например, известно, что одна окраска моста в 200 саж. длиной обходилась около 10.000 рублей! В наиболее глухих местечках устраиваются прямо оргии: в Нижнеудинске, например, для одной дамы полусвета устроили (буквально) ванну из шампанского! Заведующий тамошним построечным участком некий инженер Бертанович за три года постройки нажил состояние и купил на берегу Черного моря имение в 140.000 р. стоимостью. В Томске старшины местного клуба должны были официально заявить гг. построечным инженерам, что вход «женам» их возбраняется, так как своим поведением они скандализуют местное общество... Ну, разве не справедливо город Томск обойден магистралью?

А вот еще поучительный факт: бывший построечный начальник движения на Средне-Сибирской жел. дор., некий г. Люде, вошел в стачку с богатым томским купцом Фуксманом, и в результате получился следующий странный ряд явлений: на дороге чрезвычайная нужда в товарных вагонах, следует целый ряд строжайших приказов касательно избежания «простоя» таких вагонов, а в Томске целая флотилия их терпеливо дожидается по целым месяцам распоряжения г. Фуксмана. Зато, когда г. Фуксман соизволит «погрузиться», то его вагоны почему-то идут в первую очередь, идут со всеми поездами, нарушая все правила движения... В конце концов г. Люде «неудобно» стало служить на Сибирской жел. дороге. Идет раз значимый ему чиновник по улице г. Томска, а мимо него едет реченный г. Люде. Узнал, остановил и крикнул при «свете дня», в присутствии посторонней публики, такую знаменательную тираду: «Здравствуйте, г. Х. Поздравьте, назначен начальником движения на Манджурскую жел. дорогу, и знаете ли, там „контроля“ нет!»

В результате всякая постройка оставляет целое море перерасходов, и по Сибирской дороге еще совсем недавно должна была прокатиться комиссия, с тайным советником Михайловым во главе, для исследования того, куда делись двадцать миллионов рублей свыше определенной нормы. Шикарная комиссия благополучно проследовала от Питера до Иркутска и обратно, и все обстоит попрежнему.

[Г. Кржижановский (?)]

Недавно в спб. лесном институте произошел следующий случай. Один из студентов долго искал работы и, не находя ничего подходящего, поместил в газете объявление, где настоятельно просил какого-либо заработка. На другой день он получает письмо, где его приглашают в назначенный день в трактир Палкина. Он должен держать в руках книгу, субъект, желающий с ним переговорить, будет также с книгой в руке. Студент берет какой-то технический учебник и отправляется к Палкину. Там он видит в углу какого-то господина, который держит в руках брошюру о «Социализме в России». Они заговаривают, и незнакомец сразу переходит на вопрос о рабочем движении в России. Он вытаскивает из кармана целую кучу нелегальных брошюр, и между прочим, спрашивает студента, не может ли тот передать деньги в Красный Крест. Студент отвечает, что он стоит совершенно в стороне от последнего, но в институте у них ходит по аудитории всегда столько листов, что он сможет найти способ для передачи денег. «Хорошо,—отвечает незнакомец,—теперь я вам, конечно, не могу дать этих денег — я вас совсем не знаю, но впоследствии, когда мы с вами познакомимся, я буду вам передавать деньги как свои собственные, так и моих знакомых, жертвуемые для этой цели».

Они расстаются, сговорясь встретиться на завтра в том же месте, чтобы переговорить о работе, предлагаемой незнакомцем.

На завтра студента таинственно проводят в отдельный кабинет, где вчерашний незнакомец предстает перед ним... в форме жандармского офицера!! Тщательно заперев дверь на замок, он обращается к студенту с пред-

ложением сделаться шпионом за вознаграждение в 50 руб. в месяц. «Но,—предупреждает он,—если вы откажетесь от моего предложения, знайте, что наш разговор должен остаться втайне! В противном случае вы тотчас же будете исключены из института, высланы из Питера, и мы всюду распространим, что вы — шпион. Нам поверят — будьте покойны!»

Игнорируя все угрозы, студент категорически отказывается и отправляется прямо в институт, где рассказывает студентам обо всем происшедшем. Ему вполне верят, и делегация тотчас же отправляется к директору. Директор обещает не только не позволить исключить студента, но и поехать к мин. вн. дел и переговорить с ним, чтобы к его студентам не смели обращаться с подобного рода предложениями... Студенты страшно возбуждены и едва ли позволят выполнить хоть одну из угроз жандарма над своим товарищем... А между тем не дремлют и жандармы. На-днях я встретил одну курсистку, которая заявила мне: «Что вы! все говорят, что этот ваш студент—шпион!»

Из Кишинева. «...В течение последней недели наши обыватели были сильно заинтересованы одним небывалым в летописях Кишинева событием, которое порядком взволновало здешнее сонное царство. Дело в том, что в ноябре 1900 г. среди бела дня были арестованы 8 рабочих, у которых найдено было много нелегальной литературы. Через неделю, к всеобщему удивлению, они были выпущены на свободу. Если тут нет какой-либо западни, то нужно признать поведение жандармов очень тактичным. Было установлено, что арестованные рабочие не имели никакой связи с интеллигентами. Поэтому было вполне разумно не раздувать дела, чтобы не взбудоражить здешней молодежи, которая, пожалуй, при ином обороте дела могла бы легко притти к заключению, что не только в Одессе, Москве и Петербурге, да еще в нескольких городах, но и в самом Кишиневе существуют некие «элементы», способные к восприятию всякого рода идей. Продержи жандармы этих рабочих несколько месяцев в тюрьме, и распространению этого вывода был бы дан сильный толчок. Впрочем, все это одни гипотезы. Тут есть много странного: так, например, эти обыски среди бела дня. Двинулись «синие мундиры» в поход, по словам обывателей, чуть ли не в 9 час. утра и вернулись, забрав 8 военнопленных и значительное количество революционного оружия, в 5 час. вечера».

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

II

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Стачка на Прохоровских рудниках (на Донце, в нескольких верстах от Юзовки).

Стачка началась из-за понижения заработной платы. 15 сентября было заявлено, что через две недели плата будет понижена, и 3 октября на руднике № 10 вспыхнула стачка, которая затем распространилась и на другие рудники (всего забастовало до 800 человек). Одновременно с понижением заработной платы было объявлено, что отменяются артельщики. Артельщики были посредниками между рабочими и конторой и иногда наживали с рабочих до 200 рублей в месяц. Эти артельщики (12 человек) принимали также деятельное участие в стачке.

3 октября утром на руднике № 10 рабочие остановили машину, на которой рабочих спускают в шахту, открыли краны от сигнальных гудков и направились к дому директора рудника Бартновского, и вызвали его для переговоров. Невдалеке стояла толпа женщин и детей, семьи рабочих, ожидая исхода переговоров. Между тем, из конторы с Юзовского завода была немедленно вызвана по теле-

фону сотня казаков. Под'ехавшие казаки, не разбирая дела, бросились на толпу женщин и детей и стали хлестать их нагайками. Рабочие побежали на помощь семьям. В это время подоспели рабочие с других шахт, с № 27 и Мищенского; началась свалка; рабочие разгромили контору, повыбрасывали все бумаги, били окна служащих, квартиры которых находились рядом с конторой. Разгром продолжался с утра целый день. Рано утром с поездом приехали казаки из Таганрога и Мокеевского завода с казачьим начальником Калуницким; согнали рабочих в сарай, и там пропустили всех рабочих (человек 300) сквозь строй. Нескольким десяткам рабочих удалось спрятаться в больнице и на станции Мушкетово. Казачьи отряды расправлялись с рабочими два дня, затем 300 человек рабочих угнали в Таганрог, а остальные (человек 50) были спущены на работу в шахты. Казачий отряд поехал затем на № 27 (около Юзовки); там казачий начальник допрашивал рабочих, отыскивая зачинщиков, при чем бил их кулаками в лицо. Казаки раз'езжали по улицам и хлестали нагайками прохожих. Когда казаки ехали с № 10 на № 27, им попала толпа рабочих, только что нанявшихся и получивших из приемной удостоверение о годности к работе. Калуницкий набросился на толпу с криком: «Вы бунтовать, мошенники!», и началась экзекуция. Когда, после экзекуции, выяснилось, что эти рабочие в стачке не участвовали и только что нанялись на работу, казачий начальник сказал: «Это вам, сукины дети, пусть будет авансом». На остальных трех рудниках рабочих не били, а только хватали и отправляли в Таганрог в тюрьму. В № 10 два человека были захлестаны до полусмерти. Полицейский судебный следователь от имени жандармской власти заявил врачу, что, если он выдаст им свидетельство об истязании, то он будет выслан в 24 часа. Одного рабочего, которого подозревали в том, что он останавливал гудки, из больницы отправили в Таганрог больного. (После стачки при больнице был пожар, и во время пожара сгорела одежда больных; врач не хотел дать больницы одежды для отправки в Таганрог; тогда следователь заявил, что отправят рабочего в Таганрог нагишом.) На № 27 было взято 18 человек, которых выдала артельная кухарка, подслушав их разговор.

Результаты: на № 10 плата была понижена (на 15—20 коп. в день), на остальных рудниках осталась прежняя. Недели через две после стачки жандармский начальник об'езжал все рудники и требовал (в вежливой форме) от инженеров принятия и на поверхностные и на подземные работы «агентов», которые и были приняты. Мотивировал тем, что считает стачку делом рук интеллигенции.

* * *

«Южный Рабочий» (ном. 3, ноябрь 1900 г.), сообщая о вышеописанной забастовке, добавляет: «Такие забастовки становятся все чаще и чаще. По всему району глухой ропот. Усиливается эксплуатация, растет недовольство, и, быть может, вскоре мы будем свидетелями грандиозного движения стотысячной армии шахтеров».

Москва.

В сентябре 1900 г. Московский Комитет Р. С.-Д. Р. П. выпустил гектографированную прокламацию «Memento». Прокламация указывает, что старый вопрос «Что делать?» постоянно встает среди учащейся молодежи и что ответ на этот вопрос дан основателями научного социализма, Марксом и Энгельсом. Прокламация советует молодежи «с большой осторожностью относиться к современным критикам марксизма», «в особенности же к таким удивительно неудачным критическим опытам, каков, напр., опыт Эд. Бернштейна», и зовет на борьбу против «унизительного беспорядка всего нашего общества». «Пусть растет и крепнет союз пролетариата с лучшей частью интеллигенции!»

Либава.

В сентябре месяце прошлого года арестовали в Либаве трех сторожей тамошней тюрьмы за социалистическую пропаганду и распространение социалистических брошюр среди арестантов тамошней центральной тюрьмы. При обыске их на дворе находящихся квартир нашли в самом деле латышские социалистические брошюры. Донес на них один из тюремных надзирателей. (Читатель, может быть, еще помнит небывалое событие, когда в г. Либаве в мае 1899 г., во время всеобщей стачки, и городские отличились: они тоже забастовали 5 мая и послали депутацию к полицмейстеру с просьбой возвысить их скудное жалованье [12 р. 50 к.] на 5 р. Первых трех делегатов полицмейстер сейчас прогнал без всяких разговоров. Но, когда на другой день появилась вновь депутация, состоящая уже из шести городских, то он согласился возвысить жалованье на 3 руб.). Несколько позже арестовали двух городских, которых тоже обвиняют в содействии социалистической пропаганде. Всех пять социалистов отправили в митавскую тюрьму, где они и до сих пор сидят.

Оперирующий ныне в Либаве и быстро прославившийся своей деятельностью жандарм Вонсяцкий (польский ренегат и выкрест) известен был литовцам уже тем, что будучи жандармским поручиком в Сувалкской губ., сеял там несчастья между литовцами и несколько сот семейств разорил, выслав многих из родины, уморив в тюрьме или обратив их в инвалидов. Это — грубый варвар, не отличающийся умом, и лишенный «благородных» чувств. Не будучи в состоянии раскрыть что-нибудь, он начал обыски и аресты в Литве на основании принципа: «считаем полезным». На этом основании были арестованы известные Вонсяцкому латыши. Погром литовцев в Литве принял необъятные размеры. Вонсяцкий всякого литовца признает без дальнейших рассуждений политическим преступником. Шпионство сделалось эпидемией. Пьяницы и проч. получили предлог существовать, получая вознаграждение от Вонсяцкого. Они открыто сознаются в своей профессии и требуют дани от обывателей. Данилович, не вознаградивший шпиона Турского, был арестован и сидит до сих пор: ему было подброшено на квартиру поддельное письмо. Обыски были у всех литовцев, признающих себя таковыми. Арестовывали за устройство легальных спектаклей (Янулайтис и Мотирд), брали гимназистов (Белецкий) и пр. Корреспондент сообщает нам (от декабря прошлого года) список 45 пострадавших лиц, прибавляя, что имена многих арестованных неизвестны.

Харьков.

Местный Комитет Росс. С.-Д. Рабочей Партии в прокламации «Ко всем харьковским рабочим» еще раз обращает внимание на бесправие русского народа, вызывающее с особенной наглядностью в преследованиях за 1 мая в Харькове. Но обыски и высылки, тюрьма и ссылка не остановят движения. «Комитет цел и невредим. Помирить нас с неправдой удалось еще меньше. Наоборот, дикие преследования зажгли в нас еще более сильное пламя ненависти к нашим угнетателям». «Как нам не протестовать, как не бороться? Давно и везде кипит эта борьба. Это вековая борьба двух враждебных миров: труда и свободы, с одной стороны, эксплуатации и гнета — с другой. Без этой борьбы не добыто ни одно улучшение в положении поработанного народа. Сколько горя и слез, сколько страданий и человеческих жизней стоит эта борьба. Сколько благородных борцов за свободу томилось, например, в подземельях парижской Бастилии сто слишком лет тому назад. Не даром томилась она: их кровью была куплена свобода Франции. Каждая жертва наносила роковой удар власти королей-тиранов, и теперь во Франции рабочий класс может свободно вести борьбу за свое окончательное освобождение. То же повторилось и в других странах. Только у нас еще осталась варварская власть царя-деспота. Только у нас царский трон еще покоится на поработанном голодном народе, в котором рушится всякое пробуждение сознания. Только у нас возможно заточе-

ние в тюрьмы десятков и сотен интеллигентов и рабочих за малейшее стремление к свободе. Так нам ли отказаться от борьбы, нам ли бояться жертв? Нет, товарищи, русские рабочие уже доказали свою способность к дружной борьбе. Окажемся же и мы достойными своих товарищей. Поклянемся выставлять новых борцов на смену выбывших из строя товарищей, будем бороться до конца, пока не победим, пока от дружного напора объединенных рабочих не рушатся наши Бастилии, не разлетится в прах ярмо деспотизма. А в минуты преследований будем вспоминать знаменитого ученого Галлилея: когда угрозами и пытками невежественные попы, казалось, уже сломили упорство его и думали, что вот он откажется от своего учения о движении земли вокруг солнца — Галлилей, к ужасу своих учителей, бросил им в лицо свое знаменитое: „А она все-таки двигается“.

«Товарищи! нас преследуют за то, что мы достойно отпраздновали день 1 мая. Так начнем же теперь готовиться к еще более достойному празднованию следующего 1 мая. И когда наступит светлый праздник рабочего класса, бросим нашим тиранам в лицо смелое: „А она все-таки двигается!“»

* * *

Здесь не прекращаются аресты. Особенно много взято 5 и 14 декабря, большей частью рабочих. Из фамилий известны: Маковский (инженер), Сильверстов (привезен из Риги), Гайдено, Поляков, Белинов (раб.), Григорьев, Богданов, Скрипник, Курилко (оба во второй раз, рабочие). Из арестованных в октябре многие вывезены в уездные тюрьмы: Попов, Кожевников, Бобровский, Шумов и др. — в Изюм, д-р Левин — в Богодухов; большинство же рабочих отправлено в тюрьму у станции Печенеги (знаменитый в 70 гг. «харьковский централ»).

—

Безработица, как мы указываем ниже, распространяется все шире, и к шахтерам присоединятся, если осуществится предположение «Южного Рабочего», сотни тысяч других рабочих. Пусть припомнят они тогда эти знаменательные слова царского слуги, бывшего невинных рабочих: «Это вам авансом, сукины дети!» Пусть направится это движение безработных против этого дикого бесчинствующего и насильничающего правительства, пусть потребуют от него, чтобы оно отказалось от своего самовластья и созвало народных представителей.

* * *

Безработица становится все сильнее, и сведения о ней приходят отовсюду. В «Южном Рабочем» (№ 3, ноябрь 1900 г.) пишут: «В Екатеринославе, Харькове, Одессе, Николаеве, Мариуполе, Юзовке и других местах — везде сокращение работы, увольнение рабочих десятками и сотнями, везде ужасы нужды, и призраки голодной смерти встает в рабочих поселках... Заработная плата упала до последней степени: дело дошло до того, что на всем юге почти нигде не вырабатывают аккорда... В Юзовке отменены ночные работы (раньше работа производилась безостановочно в три смены). Происходит постепенное увольнение рабочих небольшими партиями... В Николаеве общее число уволенных доходит до 2.000 человек, в Мариуполе — до 600. В особенно широких размерах происходит увольнение в Екатеринославе: некоторые заводы, как, напр., вагонные мастерские Франко-Русского Общества, пользуются этим случаем, чтобы заменить боевой и сознательный состав своих рабочих покорными сермягами. Даже в жел.-дор. мастерских работы сокращены более, чем наполовину, при чем проектированная правительством постройка нового пути Екатеринославской дороги по случаю войны с Китаем отменена». В петербургском «Рабочем Листке» (№ 4, декабрь 1900 г.) читаем: «Сотнями выгоняют наши „кормильцы“ и „поильцы“ рабочих за воровство, на холод и голод. Как тени ходят по улицам наши безработные товарищи с Волынки, где одну смену рассчитали, от Палая, где половина ночной смены не работает, от Кенига, с Малой Охтенской ткацкой, от Шава, от Торн-

тона и др. Зарботки почти на всех фабриках понижены на 20—30 проц. У Торнтонга ткачи вырабатывают от 6—8 руб. в месяц, у Максвелла женщины — 3—4 руб., мужчины — 8—11 руб., у Паля поденщики получают 20 коп. в день и т. п.». Про Костромскую губернию и про Шуйско-Ивановский фабричный район газеты сообщают, что многие фабрики сократили производство и распустили половину или треть рабочих, а оставшимся убавили плату на 30 проц. Увеличиваются воровства и грабежи. Орехово-Зуево переполнено толпами пришлых из разных мест безработных, ютящихся по всевозможным конурам и страшно бедствующих в ожидании какого ни на есть заработка.

Безработица фабричных и заводских рабочих, голодовка крестьян — вот с чем вступает Россия в XX столетие! А министр финансов в докладе о росписи на 1901 г. (мы надеемся еще вернуться к этому докладу) говорит о «благоприятных результатах для нашего государственного хозяйства» и выражает надежду, что «затруднения нашего денежного рынка преходящи». Министра занимает «дороговизна капиталов»: капиталистам трудно доставать деньги на приносящие им прибыль предприятия. Капиталисты без прибыли, — вот в чем главное «затруднение», а вовсе не в том, что миллионы рабочих и крестьян без хлеба и без работы. «Европейские рынки придут в равновесие сами собою», — успокаивает г. Витте. А рабочие перемрут сами собою! Разве они имеют право жить, если их работа не может приносить прибыли капиталистам?

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

(Продолжение.)

Положение меньшинства английских рабочих несомненно улучшилось за последние 50—60 лет. Но этого никак нельзя сказать о тех миллионах рабочего люда, которые теперь, как и прежде, получают совершенно нищенскую, «голодную» заработную плату. Не говорю уже о тех миллионах, которым приходится обращаться к частной и официальной «благотворительности», чтобы только не умереть с голоду. Армии босяков, оборванцев, бродяг, бездомных нищих, не имеющих даже постоянного ночлега, не исчезли с английской почвы; они продолжают существовать, непрерывно пополняясь новыми рекрутами. А от периодической безработицы и чрезмерно длинного рабочего дня (сверхурочные часы) страдают даже и многие из рабочих организованных. Это в хорошее время. А в периоды острых промышленных застоев члены рабочих союзов десятками и даже сотнями тысяч ходят без работы, перебиваются пособиями от своих организаций и истошают таким образом их богатые кассы. Главные завоевания этих организаций на почве экономической борьбы относятся к тому времени, когда английская промышленность пользовалась монополией сбыта во всем мире. Но с тех пор, как рядом с Англией на всемирном рынке начали конкурировать новые промышленные страны, ее организованному пролетариату приходится больше всего напрягать свои силы уже на то, чтобы только отстоять свои старые завоевания, чтобы удержаться хоть на том уровне, которого он достиг в то доброе старое время, когда промышленные изделия Англии не встречали конкуренции на всем земном шаре. О дальнейших улучшениях путем борьбы с предпринима-

телями мудрено мечтать, когда и достигнутым уже грозит опасность.

Но и своего теперешнего, непрочного и далеко уже не очень блестящего положения организованное меньшинство английского пролетариата достигло в значительной степени на счет большинства неорганизованных масс, путем систематического, настойчивого вытеснения из тех отраслей труда, в которых организации его господствуют, рабочих, не получивших соответствующей профессиональной подготовки. Некоторые союзы принимают в члены и допускают на работу только таких рабочих, которые в течение нескольких лет обучались предварительно данному ремеслу. Таким образом, большие массы наиболее бедного чернорабочего люда искусственно выбрасывались на мостовую или обрекаемы были работать где попало, при самых скверных условиях. Обученные и организованные рабочие достигали своей цели — некоторого улучшения своего положения — ценой ухудшения участи десятков и сотен тысяч рабочих, не имевших возможности приобрести определенное ремесло или профессию. Одна часть пролетариата, меньшая, создавала себе привилегии на счет большинства своих братьев; небольшое возвышение организованного меньшинства куплено было в значительной мере ценой сравнительно еще большего понижения или удержания в прежнем жалком состоянии огромной части остальной рабочей массы.

— Неужели же, однако, — спросит, быть может, читатель, — столь прославленные рабочие союзы Англии совсем-таки не принесли пользы ее пролетариату? — Надлежащим, разносторонним образом ответить на этот вопрос не так легко, как некоторым может казаться. И не с этой целью написаны были предыдущие строки. Я только хотел отметить и подчеркнуть, что в области непосредственных, осязательных улучшений в жизненных условиях рабочих масс результаты рабочего движения в Англии, в окончательном итоге, не выходят из рамок того, что достигнуто социал-демократией в других передовых странах Европы. При сравнительной оценке результатов английского рабочего движения и современного социал-демократического необходимо принять в расчет, кроме того, на что выше указано было, тот факт, что последнему приходится в некоторых странах собственными силами, шаг за шагом, отвоевывать у государственной власти такие общенародные права, какие в Англии завоеваны были совместными усилиями разных классов, вследствие чего ее современные рабочие организации давно уже пользуются этими правами, как готовым наследием прошлого. Да и не в области частных улучшений лежит центр тяжести результатов рабочего движения. Самым важным и существенным из них для Англии я считаю образование огромной организованной силы внутри пролетариата. Но настоящее историческое значение этой силы остается пока в скрытом состоянии, не проявляется наружу и не проявится до тех пор, пока она будет направляться, главным образом, не общеклассовыми, а частными, эгоистическими интересами отдельных, сравнительно привилегированных групп пролетариата. Рабочие организации на материке Европы значительно слабее ремесленных союзов Англии. Но зато деятельность их одухотворена и проникнута идеей классовой солидарности пролетариата, независимо от профессиональных, племенных и даже государственно-национальных различий и перегородок; свои частные,

местные и профессиональные интересы и минутные выгоды они подчиняют общим, основным, международным интересам освобождения пролетариата во всем цивилизованном мире. В этом — великая заслуга социал-демократии, и в успехах ее на пути объединения рабочих масс в сознательно-классовую международную армию пролетариата лежит центр тяжести достигаемых или уже достигнутых ею результатов.

«Социализм, — справедливо заметил один русский писатель, — только тогда сделался великой исторической силой, когда ему удалось, поняв призвание рабочего класса, стать его наукой и верой»*. Но кто разъяснил и разъясняет рабочим их историческое призвание как класса? Никто иной, как социалисты, или точнее, социал-демократы. И если справедливо, что в знании — сила, то очевидно, что сила рабочего класса должна заключаться, главным образом, в знании своей исторической задачи и средств к ее осуществлению. А если так, то мы имеем полное основание сказать, что и сам пролетариат становится мировым, исторической силой лишь по мере того, как он в своих освободительных усилиях проникается и сознательно руководится учениями социал-демократии, составляющими науку об условиях, путях и средствах его полного и окончательного освобождения. Стало-быть, рост общественной силы рабочего класса и рост исторической силы социализма, т. е. социал-демократии, составляют два неразрывно связанных друг с другом явления или, вернее, одно и то же явление, рассматриваемое с двух сторон. Успехи социал-демократии должны измеряться, прежде всего, распространением ее учений и влиянием в рабочих массах. Но, с другой стороны, чем сильнее они влияют на мысль и образ действий этих масс в их усилиях улучшить свое положение, тем сознательнее они выступают против своих эксплуататоров, тем меньше ошибок они делают, тем целесообразнее выбираемые ими пути и средства для борьбы с господствующими классами и тем, следовательно, больше приближаются они к конечной цели рабочего движения: к полному освобождению рабочего класса путем завоевания им государственной власти. Рост всемирно-исторического значения и силы пролетариата сливается, таким образом, с успехами международного социал-демократического движения. Успехи последнего являются масштабом для измерения первого.

С этой точки зрения попытаемся рассмотреть в следующей статье результаты международного социал-демократического движения³.

[П. Аксельрод]

ОТДАЧА В СОЛДАТЫ 183 СТУДЕНТОВ.**

11 января в газетах опубликовано правительственное сообщение от мин. народного просвещения об отдаче в солдаты 183 студентов киевского университета «за учинение скопом беспорядков». Временные правила 29 июля 1899 г. — эта угроза студенчеству и обществу — приводятся в исполнение менее, чем через полтора года после их издания, и правительство точно спешит оправдаться за применение невиданной карательной меры, вы-

ступая с целым обвинительным актом, не жалея красок на изображение студенческих злодейств.

Злодейство одно другого ужаснее. Летом — общестуденческий съезд в Одессе с программой организовать все русское студенчество для выражения всякого рода протестов по поводу явлений академической, общественной и политической жизни. За эти преступные политические цели все студенты-делегаты были арестованы, документы отобраны. Но брожение не утихает, а растет и настойчиво обнаруживается во многих высших учебных заведениях. Студенты хотят свободно и самостоятельно обсуждать и ведать свои общие дела. Их начальство, — с тем бездушным формализмом, которым искони отличается русское чиновничество, — отвечает мелкими придирками, доводит недовольство до крайних размеров и невольно наталкивает мысль не погрязшей еще в тине буржуазного прозябания молодежи на протест против всей системы полицейского и чиновничьего самовластия.

Киевские студенты требуют удаления профессора, занявшего место уехавшего товарища. Начальство противится, доводит молодежь до «сборищ и демонстраций» и... уступает. Студенты собирают сходку для обсуждения того, почему возможны такие гнусности, как изнасилование двумя белоподкладочниками одной девушки (так гласит слух). Начальство приговаривает главных «виновников» к — карцеру. Те отказываются подчиниться. Их увольняют. Толпа демонстративно провожает на вокзал уволенных. Собирается новая сходка, студенты остаются до вечера, отказываясь уйти, пока не явится ректор. Являются вице-губернатор и начальник жандармского управления с отрядом солдат, окруживших университет и вошедших в аудиторию, и — приглашают ректора. Студенты требуют — вы думаете, может быть, конституции? Нет, они требуют, чтобы не применяли наказание карцером и приняли обратно уволенных. Участников сходки переписывают и распускают по домам.

Вдумайтесь в это поразительное несоответствие между скромностью и безобидностью студенческих требований — и переполохом правительства, которое поступает так, как будто бы топор был уже занесен над опорами его владычества. Ничем так не выдает себя наше «всемогущее» правительство, как этим переполохом. Лучшее всяких «преступных воззваний» оно показывает этим — показывает всякому, имеющему глаза, чтобы видеть и уши, чтобы слышать — что оно чувствует себя совершенно непрочным и верит только в силу штыка и нагайки, охраняющих его от народного возмущения. Искушенное опытом десятилетий, правительство твердо убедилось в том, что оно окружено горячим материалом, что достаточно малейшей искорки, достаточно протеста против карцера, чтобы зажечь пожар. А если так, то понятно, что расправа нужна примерная: отдать в солдаты сотни студентов! «Фельдфебеля в Вольтеры дайте!» — эта формула несколько не устарела. Напротив, XX веку суждено увидеть ее настоящее осуществление.

На многие мысли и сопоставления наводит эта новая карательная мера, новая своей попыткой воскресить давным давно отжившее старое. Поколения три тому назад, во времена николаевские, отдача в солдаты была естественным наказанием, вполне соответствовавшим всему строю русского крепостного общества. Дворянчиков отдавали в солдаты, чтобы заставить их служить и выслуживаться

* «По поводу петербургской стачки», «Работник», № 3—4.

** Номер был сверстан, когда появилось правит. сообщение.

до офицера в отмену вольности дворянства. Крестьянина отдавали в солдаты как в долголетнюю каторгу, где его ждали нечеловеческие пытки «зеленой улицы» и т. п. Но вот уже более четверти века, как у нас существует «всеобщая» воинская повинность, введение которой прославлено в свое время как великая демократическая реформа. Всеобщая не на бумаге только, но и на деле воинская повинность, несомненно, есть демократическая реформа: она порывает с сословностью и вводит равноправность граждан. Но если бы это было так на самом деле, разве могла бы тогда отдача в солдаты служить наказанием? И если правительство превращает воинскую повинность в наказание, не доказывает ли оно этим, что мы стоим гораздо ближе к рекрутчине, чем к всеобщей воинской повинности? Временные правила 1899 г. срывают фарисейскую маску и разоблачают азиатскую сущность даже тех наших учреждений, которые всего больше походят на европейские. В сущности, у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений. В сущности, у нас не было и нет ничего похожего на равноправность граждан в военной службе. Наоборот, казарма насквозь пропитана духом самого возмутительного бесправия. Полная беззащитность солдата из крестьян или рабочих, попирающие человеческого достоинства, вымогательство, битье, битье и битье. А для тех, у кого есть влиятельные связи и деньги, — льготы и изъятия. Неудивительно, что отдача в эту школу произвола и насилия может быть наказанием, и даже очень тяжелым наказанием, приближающимся к лишению прав. Правительство рассчитывает в этой школе обучить «бунтовщиков» дисциплине. Не ошибается ли оно в своем расчете? Не будет ли школа русской военной службы военной школой для революции? Конечно, не всем студентам под силу пройти полный курс такой школы. Одних сломит тяжелая ляжка, погубит столкновение с военными властями, других — слабых и дряблых — запугает казарма, но третьих она закалит, расширит их кругозор, заставит их продумать и прочувствовать их освободительные стремления. Они испытают теперь всю силу произвола и угнетения на собственном опыте, когда все их человеческое достоинство будет поставлено в зависимость от усмотрения фельдфебеля, способного зачастую умышленно поглумиться над «образованным». Они увидят, каково на деле положение простого народа, они заболеют за те надругательства и насилия, которых ежедневными свидетелями заставят их быть, и поймут, что те несправедливости и придирки, от которых страдают студенты, это — капля в море народного угнетения. Кто поймет это, тот выйдет из военной службы с Аннибаловой клятвой борьбы вместе с передовым классом народа за освобождение народа от деспотизма.

Но не меньше жестокости нового наказания возмущает его унижительность. Правительство делает вызов всем, в ком осталось еще чувство порядочности, объявляя протестовавших против произвола студентов простыми дебоширами, — вроде того, как оно объявило ссыльных рабочих-стачечников — людьми порочного поведения. Взгляните на правительственное сообщение: его пестрят слова: беспорядок, буйства, бесчинства, беззастенчивость, разнузданность. С одной стороны, признание преступных политических целей и стремления к политическим протестам;

с другой — третирование студентов, как простых дебоширов, нуждающихся в уроках дисциплины. Это — пощечина русскому общественному мнению, симпатии которого к студенчеству очень хорошо известны правительству. И единственным достойным ответом на это со стороны студенчества было бы исполнение угрозы киевлян, устройство выдержанной и стойкой забастовки всех учащихся во всех высших учебных заведениях с требованием отмены временных правил 29 июля 1899 г.

Но ответить правительству обязано не одно студенчество. Правительство само позаботилось сделать из этого происшествия нечто гораздо большее, чем чисто студенческую историю. Правительство обращается к общественному мнению, точно хвастаясь энергичностью своей расправы, точно издеваясь над всеми освободительными стремлениями. И все сознательные элементы во всех слоях народа обязаны ответить на этот вызов, если они не хотят пасть до положения безгласных молча переносящих оскорбления рабов. А во главе этих сознательных элементов стоят передовые рабочие и неразрывно связанные с ними социал-демократические организации. Рабочий класс постоянно терпит неизмеримо большее угнетение и надругательство от того полицейского самовластия, с которым так резко столкнулись теперь студенты. Рабочий класс поднял уже борьбу за свое освобождение. И он должен помнить, что эта великая борьба возлагает на него великие обязанности, что он не может освободить себя, не освободив всего народа от деспотизма, что он обязан прежде всего и больше всего откликаться на всякий политический протест и оказывать ему всякую поддержку. Лучшие представители наших образованных классов доказали и запечатлели кровью тысяч замученных правительством революционеров свою способность и готовность отряпать от своих ног прах буржуазного общества и итти в ряды социалистов. И тот рабочий недостоин названия социалиста, который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи. Студент шел на помощь рабочему, — рабочий должен притти на помощь студенту. Правительство хочет одурачить народ, заявляя, что стремление к политическому протесту есть простое бесчинство. Рабочие должны публично заявить и разъяснить самым широким массам, что это — ложь, что настоящий очаг насилия, бесчинства и разнузданности — русское самодержавное правительство, самовластие полиции и чиновников.

Как организовать этот протест, это должны решить местные социал-демократические организации и рабочие группы. Раздача, разбрасывание, расклейка листов, устройство собраний, на которые были бы приглашаемы по возможности все классы общества, — таковы наиболее доступные формы протеста. Но было бы желательно, чтобы там, где есть крепкие и прочно поставленные организации, была сделана попытка более широкого и открытого протеста посредством публичной демонстрации. Хорошим образчиком может служить харьковская демонстрация 1 декабря прошлого года перед редакцией «Южного Края». Праздновался юбилей этой паскудной газеты, травящей всякое стремление к свету и свободе, восхваляющей все зверства нашего правительства. Перед редакцией собралась толпа, которая торжественно предавала разодранию номера «Южного Края», привязывала их к

хвостам лошадей, обертывала в них собак, бросала камни и пузырьки с сернистым водородом в окна с кликами: «Долой продажную прессу!» Вот какого чествования, поистине, заслуживают не только редакции продажных газет, но и все наши правительственные учреждения. Юбилей начальственного благоволения празднуют они лишь изредка, — юбилей народной расправы заслуживают они всегда. Всякое проявление правительственного произвола и насилия есть законный повод для такой демонстрации. И пусть открытое заявление правительства о расправе со студентами не останется без открытого ответа со стороны народа.

[Н. Ленин]

НАША ОТЕЧЕСТВЕННАЯ РЕПТИЛИЯ.

Нам сообщают (ручаясь за достоверность известия), что «Сев. Курьер» закрыт по настоянию департамента полиции. Редакции этой газеты ставят в вину, что она, якобы, принимала участие в организации недавно бывшей в театре г. Суворина демонстрации против гнусной и пошлой пьесы г. Крылова и Литвина (Ефрона). Конечно, ужасное «преступление» требовало примерного возмездия, и департамент полиции не преминул поспешить со своей мстостью: он прихлопнул злополучную газету, благо четыре министра, чинящих суд и расправу над нашей печатью, всегда готовы оказать ему такого рода «товарищескую» услугу. Враг был истреблен... но «победитель» запачкался кровью: нами только что получено известие о попытке издателя «Сев. Курьера», князя В. В. Барятинского покончить с собой самоубийством... Русское правительство может занести теперь в свой формуляр еще одну новую жертву — кровавый трофей бесславной победы!

В нашей печати один только г. Суворин должен чувствовать себя именинником. Благодаря хлопотам его полицейских друзей, ему невозбранно дано развращать русскую публику — и со сцены и со страниц своей газеты. Монополист печатного слова, он возвышает свой голос, когда вокруг царит вынужденное молчание, и храбро бросает свои обвинения в лицо скрученным противникам. Так было в позапрошлом году после достопамятного избияния студентов, то же самое повторяется и теперь после киевского приговора. «Новое Время» (см. № от 14 января) проливает крокодиловы слезы над этими жертвами «крепостного» бесправия, чтобы тем искуснее пустить шип поземному и очернить пострадавшую молодежь. Оно кричит: «Это варварство!» — и кому кричит? Не бюрократии, оказавшейся достойной Аракчеева, а тому самому студенчеству, над которым как раз вершится приговор, поражающий своей «азиатчиной».

Русская демократия должна изыскать средство проучить беззастенчивого публициста, да так проучить, чтобы впредь не повадно было — этой правительственной рептилии!

ИЗ ПАРТИИ

В предыдущем номере «Искры» мы сообщили, что на содержании постоянного международного социалистического секретариата каждая из восьми великих наций должна внести по 1.000 франков. Так значилось в немецком отчете о конгрессе. Теперь нам прислали печатный листок за подписью членов исполнительного бюро, известных вождей бельгийской социал-демократии Ансееля и Вандервельде (и секретаря Сэрви). Из листка видно, что десять главных наций вносят по 500 франков, а остальные — и в том числе Россия — по 200 франков, около 80 руб. на наши деньги.

С января настоящего года в Штутгарте, у известного издателя Г. Дитца, будет выходить научно-политический журнал «Заря», издаваемый и редактируемый несколькими русскими социал-демократами, при ближайшем участии Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода и В. И. Засулич. Вполне солидарная с нами во взглядах на теоретические и тактические вопросы русской социал-демократии, редакция «Зари» будет выполнять часть той программы, которая изложена в опубликованном нами, одновременно с № 1 «Искры», заявлении «От редакции». В первый номер «Зари» входят, между прочим, статьи: Г. Плеханова: «Еще раз социализм и политическая борьба»; К. Каутского: «Воспоминания»; Старовера: «Что случилось?»; Г. Плеханова: «Критика наших критиков. Ст. 1, ч. I. Нечто о философских упражнениях г. Струве»; Н. Рязанова: «Замечания на программу „Раб. Дела“»; Бывалого: «О старом и новом»; А. Б.: «Чему учит харьковская маевка?»; Г. Плеханова: «Четырнадцатое декабря 1825 г.»; В. Засулич: «Борьба в тюрьме» и др.

Письма, рукописи и деньги на это издание можно направлять из-за границы на адрес Дитца (J. H. W. Dietz Verlag. Stuttgart); из России — к тем лицам, которые имеют связи с «Искрой», и теми способами, какими ведутся сношения с «Искрой».

Вышел третий номер «Южного Рабочего» (ноябрь 1900 г.). Обширный и разносторонне составленный, номер производит особенно хорошее впечатление тем революционным духом, тем широким пониманием задач социал-демократии, которое обнаруживает редакция. Передовая посвящена военным судам в Варшаве и заканчивается горячим призывом «готовиться к решительному бою», «открыто заявлять о нашей ненависти к произволу самодержавия и непоколебимой решимости покончить с ним». Обстоятельно и интересно написаны статьи об экстренном съезде горнопромышленников в Харькове, о безработице, о наших отношениях к иностранным рабочим, о В. Либкнехте. Прекрасный фельетон «Мститель» и целый ряд корреспонденций с юга России. Приветствуем от души издание наших южных товарищей и желаем ему дальнейших успехов и дальнейших побед над полицией и жандармами.

Вышли два выпуска «Социал-демократической рабочей библиотеки», № 1: «От редакции» (брошюра, излагающая принципы и основные взгляды редакции) и № 2: «Трансвааль и Китай. Две речи Кейр-Гарди и Либкнехта». (Типография «Рабочей Библиотеки», 1900 г.). Наряду с «Южн. Рабочим» это новое издание свидетельствует, что узко-экономическое направление не может удовлетворить русской социал-демократии, что растет и крепнет протест не только против направления «Рабочей Мысли», но и против того эклектического направления, которое пытается занять середину между «экономизмом» и революционной социал-демократией. «Необходимо развивать и воспитывать массу политически, — справедливо говорят авторы первой брошюры, — т. е. научать не только понимать значение ближайших политических требований, но и понимать значение политической борьбы в широком смысле слова... Наше правительство — враг его (рабочего) уже как самодержавное правительство, как форма власти, с которой рабочий вообще не может ужиться, так как она может быть только деспотичной... Способствовать созданию знающих пропагандистов и убежденных агитаторов..., усилению интенсивности рабочего движения и освободительного движения России вообще... вот цель «Рабочей Библиотеки». Некоторые положения брошюры кажутся нам неправильными, напр., что «российской буржуазии пока ничего не остается желать», что «буржуазии дарована у нас некоторая, хотя и жалкая, политическая свобода», но мы не думаем, чтобы дело шло о серьезном разногласии с установившимися взглядами русских социал-демократов. Хочется верить, что мы стоим на пороге нового под'ема нашего

движения и что оно сумеет теперь возвыситься до понимания и до осуществления его великой исторической роли.

СПБ. Союз Борьбы⁵, Комитет С.-Д. Р. П. издал четыре «Рабочих Листка» (№№ 1—4, ноябрь — декабрь 1900 г.), напечатанных в собственной типографии и подписанных «Комитетом рабочей организации». Отмеченная нами в предыдущем номере двойственность направления новой программы СПБ. Союза отражается и на этих листках. Пожелаем нашим петербургским товарищам окончательно освободиться от традиций «Рабочей Мысли», пожелаем передовым рабочим столицы скорее освободиться от предрассудка, что руководить рабочим движением должен непременно комитет рабочей организации в отличие от комитета социал-демократической партии, что группы интеллигентов-социалистов суть только «исполнительные группы» при рабочих кружках. Рабочее движение только тогда в состоянии будет достигнуть своей освободительной цели, когда передовые рабочие станут убежденными социал-демократами и активными деятелями революционных организаций, когда они добьются не обособления от социал-демократической революционной интеллигенции, а, напротив, тесного союза с ней.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Мы получили письмо ссыльного рабочего, который просит редакцию от лица нескольких товарищей издать сборник о приемах жандармов при следствии и о прави-

лах, как держаться на допросах. За границей вышла недавно брошюра товарища В. Бахарева: «Как вести себя на допросах», идущая навстречу «назревшей», по справедливому замечанию рабочего, «потребности». В одном из следующих номеров мы надеемся подробно поговорить об этой брошюре и о поднимаемых ею вопросах.

Сообщаем всем товарищам, оказавшим поддержку нашему изданию, что избранный нами способ сношений, представляющий на первый взгляд многие неудобства, оказался вполне целесообразным. Если соблюдать все меры предосторожности, материалы доставляются скоро и аккуратно. Просим корреспондентов: 1) сообщать все и всякие листки и прокламации с добавлением, по возможности, подробностей о распространении их, а также все местные издания и циркулирующие рукописи; 2) сообщать о всяком представляющем общественный интерес происшествии немедленно, никогда не откладывая впрямь до получения подробностей или составления особых описаний и т. п., никогда не стесняясь передавать голый и сырой факт; 3) сообщать известное не только из непосредственных наблюдений, но и по рассказам или вестям из других мест, чтобы редакция могла своевременно принять меры к посылке своих агентов и т. п.; 4) изыскивать способ, каким бы редакция могла сноситься с каждым корреспондентом; 5) собирать для передачи редакции все интересные местные издания и отдельные номера местных газет; 6) оговаривать с полной точностью желание, чтобы материал был предан гласности лишь на таких-то и таких-то условиях или без всяких изменений и т. п.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ

Прим. 1. Автор статьи «Самодержавие и земство» — П. Б. Струве, один из самых ярких представителей буржуазного либерализма, эволюционировавший от марксизма к кадетам. Хотя Ленин (Тулин) в значительной мере предугадывал в Струве будущего либерала еще в 1895 г., тем не менее Струве, несмотря на все свои уклоны в сторону бернштейнианства и заигрывания с идеализмом, продолжал еще быть близок к группе Плеханова и Ленина, о чем свидетельствует и факт его сотрудничества в первых №№ «Искры». В 1898 г. он был автором Манифеста о I съезде. В 1900 году он принимал вместе с Туган-Барановским участие в совещании с.-д.-ов во Пскове, где обсуждался вопрос об издании с.-д. органа за границей. Но уже вскоре после его первых выступлений в «Искре» Ленин резко нападает на его предисловие (за подписью Р. Н. С.) к записке Витте: «Самодержавие и земство» — в статье: «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (в № 2—3 «Зари»). Плеханов не спешил разделить пессимистического взгляда Ленина на природу Струве и колебался дать свое согласие на напечатание ст. Ленина, Аксельрод лишь отчасти стоял в этом случае на точке зрения Плеханова и сделал только ряд своих замечаний к статье Ленина. Этот последний ответил письмом к Аксельроду от 26/VII 1901 г., что все (подчеркнуто Лениным) указания Аксельрода и Плеханова на необходимость смягчения выражений он принял во внимание и везде такие смягчения сделал: «Вообще, — говорит он в письме, — я вовсе не так уже упорен насчет смягчений частных, но принципиально не могу только отказаться от мысли о нашем праве (и нашей обязанности) разнести Р. Н. С. за его политическое жонглерство. Он именно политический жонглер — в этом меня окончательно убедило чтение и перечитывание предисловия, и в свою критику я внес все, что дали нам последние месяцы (т. е. Verhandlungen * с «Теленком», попытки договора ** etc. Так сказать, душу отводил, сводя счеты с этим субъектом. Выяснение вопроса о конституционности земства я считал центром тяжести всей статьи. «Земский» либерализм, это — в области воздействия на общество — то же самое, что экономизм — в области воздействия на рабочего. И ту и другую область мы должны преследовать». (См. «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 51).

Прим. 2. Михайловский Н. К. род. в 1842 г., умер в 1904 г. Сотрудник и редактор «Отеч. Записок» (1869—85 гг.). Потом сотрудничал в «Сев. Вестнике» и «Русской Мысли». С начала 90-х годов становится во главе «Русского Богатства». Он является главным выразителем взглядов народничества 80-х и 90-х годов («эпигонов» старого народничества). В области философского обоснования народничества он является сторонником так наз. «суб'ективного метода». В середине 90-х годов он становится мишенью представителей марксизма, пробившего себе путь в легальную печать, и подпадает под град полемических стрел Плеханова (Бельтов, Волгин), Ленина (Тулин — Вл. Ильин), Струве и др. марксистов. После этого звезда его сразу меркнет.

* Переговоры.

** В начале лета 1901 г. Струве вместе с Богучарским вел в Мюнхене переговоры с «Искрой». Был даже составлен договор между группой «Заря» и «Искры» и «группой демократической оппозиции» (текст договора приведен в ст. А. Н. Потресова — в «Обществ. движении», т. I, стр. 615—616). Договор не получил осуществления, и Струве окончательно откатился в сторону буржуазной либеральной оппозиции, став во главе «Освобождения». «Теленок» — прозвище, которое Засулич дала П. Струве.

П. Л.

П. Л.

Прим. 3. Предполагалась еще одна статья Аксельрода на ту же тему, но она почему-то в «Искре» не появилась.

Прим. 4. Издание «Зари» в качестве легального журнала, «терпимого» с точки зрения немецкой цензуры, было не только территориально отделено от конспиративного издания нелегальной «Искры» («Заря» выходила открыто в Штуттгарте, а «Искра» печаталась в Мюнхене — в конспиративной искровской типографии), но и с формальной стороны. Издатель журнала — германский с.-д. Дитц — из осторожности тщательно уничтожал в журнале все намеки на то, что между «Зарей» и «Искрой» есть какое-нибудь родство. Придирчивая цензура Дитца иногда очень раздражала искровцев. По поводу, напр., одной непопавшей в Дитц статьи Аксельрода Ленин писал (от 20/III 1901 г.) этому последнему: «С „Зарей“ неприятно. Этот капризный барин Дитц решительно отверг Вашу статейку, убоявшись ссылок на „Искру“, усмотрев запах „групп“ * и сославшись на то, что и Бебель, и Зингер (пайщики его С. м. б. Н.) побаиваются и т. п. Пришлось, к величайшему нашему сожалению, отказаться от Вашей статьи, поместив вместо нее пару слов „к читателям“. Ужасно неприятна эта новая цензура! И обложка пострадала: вычеркнули даже „несколько русских с.-д.“ **». Когда-то мы избавимся от „опеки“ этих Dreckgenoss'ов?!» (См. «Письма Акс. и Мартова», стр. 19).

Прим. 5. «Спб. Союз Борьбы за освобождение рабочего класса» был организован Влад. Ильичем в 1895 г. Самое название это усвоено организацией в декабре 1895 г. по предложению Мартова. В 1896 г. все крупные с.-д. организации стали принимать то же название (Московский Союз Борьбы, Киевский и т. д.). В 1901—1903 гг. большинство организаций стали называться просто комитетами, и только петербургская организация удержала название «Союза» до II съезда Партии. В Петербурге же образовался «Комитет Рабочей Организации», который был продолжением петерб. организации «рабочемысленцев». Сначала «Ком. Раб. Организации» существовал самостоятельно, а в октябре 1900 г. объединился с «Союзом».

* Ленин имеет в виду неразрешенные германские организации. П. Л.

** В подзаголовке: «Социально-демократический научно-политический журнал». Издается при ближайшем участии Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и П. Б. Аксельрода. П. Л.